

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

чертовы пальцы

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

«Бескомпромиссный
летописец мрака»

Самая страшная книга

Дмитрий Тихонов

Чертовы пальцы (сборник)

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тихонов Д. А.

Чертовы пальцы (сборник) / Д. А. Тихонов — «АСТ»,
2018 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-105777-0

Черт знает, сколько у черта пальцев. Может, десять, а может – все пятнадцать. Но еще больше у черта масок, и он меняет их постоянно, являясь смертным в самых диких обличьях, иногда обманчиво-прекрасных, иногда – чудовищных. В этой книге собраны повесть и чертова дюжина рассказов, в которых нечистая сила предстает во всем своем жутком, леденящем кровь многообразии. Не сопротивляйтесь. Позвольте «Чертовым пальцам» перенести вас в мир, где ничто не является тем, чем кажется.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-105777-0

© Тихонов Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Чертовы пальцы	6
1	6
2	9
3	11
4	12
5	14
6	18
7	22
8	23
9	30
10	34
11	37
12	40
13	44
14	48
15	50
16	51
17	53
18	60
19	61
20	64
21	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дмитрий Тихонов

Чертовы пальцы

© Дмитрий Тихонов, текст, 2018

© Татьяна Веряйская, обложка, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Чертовы пальцы

1

В вагоне было пусто и сумрачно: лампы горели в четверть мощности, а за окнами плескалась густая тьма, полная змей. Змеи. Снова снились змеи. Плохая примета. Он встряхнулся, сел ровно, ощупал чемоданчик, провел рукой по редкеющим волосам. Скоро все кончится. У него хватит сил.

Павел Иванович посмотрел на часы – если доверять расписанию, до прибытия на конечную станцию оставалось минут двенадцать. Интересно, кроме него есть хоть кто-нибудь в этом поезде?

Он поднялся и, прихватив чемоданчик, вышел в тамбур. Здесь было прохладнее, не горел свет. Павел Иванович закурил. Крохотный красный огонек отражался в оконном стекле, за которым теперь, в темноте, стало возможно различить проносящиеся мимо деревья и столбы ЛЭП. Через пару минут, когда огонек погас, снаружи появились другие огни – редкие желтые квадратики окон домов, раскиданных среди рощ и полей.

Их постепенно становилось все больше, затем мимо поплыли склады, коробки пятиэтажек, облепленные гаражами и детскими площадками. Поезд начал тормозить. Секунды цеплялись друг за друга, словно утопающие после кораблекрушения. Наконец, дернувшись несколько раз, вагон остановился. Двери открылись с шипящим шорохом.

Павел Иванович вышел на платформу, осмотрелся. Железная дорога, тянувшаяся из областного центра целых сто двадцать километров, здесь заканчивалась, рельсы обрывались, упершись в скопление ветхих хозяйственных построек. За годы, прошедшие с того дня, когда он уехал, город оброс новыми зданиями, но на самом деле остался прежним. Ветви деревьев все так же царапали небо, не верящее в то, что лето закончилось, и лохматые собаки все так же копошились у мусорных баков.

Павел Иванович спустился по растрескавшимся бетонным ступеням, миновал деревянное здание вокзала, прошел мимо нескольких таксистов, которые, увидев его, наперебой взялись предлагать свои услуги. Но он только качал головой и улыбался.

– Автобусы не ходят уже! – крикнул один из них ему в спину.

– Мне недалеко! – соврал он, не оборачиваясь.

На самом деле ему нужно было практически на окраину города, но отказать себе в удовольствии прогуляться он не мог. Старые кривые улочки, ползущие вверх и вниз по склонам холмов, черные контуры крыш над покосившимися заборчиками – все, что снилось ему в те ночи, когда кошмары отступали. Скоро его миссия будет завершена, и наступит покой. Ему хотелось, чтобы это произошло здесь.

Пройдя лабиринтом переулков и подворотен, он спустился к центральной площади и пересек ее, не встретив ни одного живого существа, кроме разве что больного бездомного пса, испуганно смотревшего на странного человека. Тут было грязно: ветер таскал по асфальту обрывки газет и упаковочной бумаги, повсюду валялись ошметки картонных коробок и воняло протухшей рыбой – поэтому он вздохнул с облегчением, когда свернул в очередную улицу, круто поднимающуюся в гору, к церкви.

Даже в темноте можно было различить, что ее недавно отреставрировали. Белые стены, аляповатые, но аккуратные украшения, новенькая колокольня. Сделано все уже после его отъезда, он помнил храм осыпающейся развалюхой из почерневшего от времени красного кирпича, но, кажется, как-то ему довелось увидеть по телевизору репортаж о восстановлении

церквей, где среди прочих была упомянута и эта, так что он не особенно удивился и останавливаться, чтобы рассмотреть все в подробностях, не стал.

Ближе и ближе. Ботинки, купленные неделю назад, натирали ноги, да и в левом колене появилась тяжелая, холодная боль, но улыбка не исчезала с лица. Вот уже возвышается слева окруженная голубыми елями громада Дворца культуры, в котором он некогда работал. Фасад по-прежнему украшен безвкусным витражом, зато к крыльцу теперь ведет ровная, широкая дорожка.

А вот тот самый перекресток и магазинчик на углу – вывеска другая, но дверь двадцатилетней давности. Судя по всему, здесь в самом деле практически ничего не изменилось и вряд ли изменится в ближайшее время. Уважающий себя маленький городок. Это хорошо.

Павел Иванович вышел на нужную улицу и почти бегом преодолел оставшиеся несколько домов. Фонари заливали тротуары липким желтым светом, различить номера на заборах возле калиток не составляло никакого труда, но он без всяких цифр узнал бы свой дом из тысячи, сколько бы лет – или столетий – ни прошло с их последней встречи.

Остановившись, он едва сдержал рвущийся из груди радостный смех. Да, новый обитатель обложил фасад белым кирпичом, выстлал железом крышу, заменил деревянное ограждение у палисадника на проволочное, и забор оказался подновлен, покрыт непривычной синей краской, но это был его дом. Тот самый, в котором он родился и вырос, тот самый, в котором учился заново ходить после тяжелого перелома и помогал плачущей матери обмывать мертвое тело отца. Это был его дом.

Шло время, минута за минутой протекали мимо, тишина колыхалась вокруг, разбавленная обычными ночными шорохами. Павел Иванович неподвижно стоял на тротуаре перед калиткой, прикрыв глаза, словно в глубокой задумчивости. Губы его беззвучно шевелились, выговаривая слова, которых никогда не слышал никто из ныне живущих под небом. Слова сливались с окружающим мраком, будили в нем движение и далекие, едва различимые голоса, будто отзывающиеся на них. Слова приносили тьму.

Наконец он замолчал и, снова широко улыбнувшись, протянул руку к калитке. Та поддалась с легким скрипом, открывая заполненный разнокалиберным хламом двор. Сторожевая собака дернулась было навстречу, но распознала пришедших и, проглотив рык, спряталась в свою конуру, грубо сколоченную из старой фанеры. Павел Иванович подмигнул ей, шагнул внутрь, прижав чемоданчик к груди. Он знал, куда идти. Обогнув угол, поднялся на высокое, но чуть покосившееся крыльцо, громко постучал в обитую облезлым дерматином дверь.

Заскрипели за ней половицы, щелкнул замок. Дверь распахнулась, выпустив наружу поток теплого света. На пороге стоял высокий худощавый мужчина в выцветших обвисших спортивных штанах и такой же майке.

– Здравствуйте, – сказал ему пришедший. – Вот и я.

– Ага, – хозяин покосился в сторону собачьей будки. – А как вы?..

– Позвольте войти?

Хозяин прищурился:

– Зачем? Все вещи, которые после нее остались, я в сарае сложил. Там и ищите. Сейчас фонарь возьму.

Он вдруг бросил настороженный взгляд в темноту за спиной гостя:

– Вы что, не один?

– Нет, – спокойно ответил тот. – Не один. Я бы с удовольствием представил вам моих спутников, но у них нет имен.

Сказав это, он отступил на шаг, давая возможность тем, кто стоял позади, добраться до входа. Глаза хозяина расширились от ужаса, он попытался захлопнуть дверь, но не успел. Не было ни криков, ни особого шума – все кончилось через несколько мгновений.

Гость вошел, стараясь не наступить в быстро расплзающуюся по линолеуму алую лужу. Кровь не растекалась равномерно, а собиралась в левом углу – верный признак того, что пол по-прежнему неровный. Все, как раньше, как в детстве. Павел Иванович счастливо смеялся, обходя небольшие комнаты. Каждый угол, казалось, хранил великое множество воспоминаний. Он вернулся домой. После всех несчастий, трудностей и бед, после выжигающих душу скитаний. Вернулся. Теперь уже навсегда.

2

Еще трое прибыли из областного центра на автобусе, но до города не доехали. В пред-рассветных сумерках выгрузились на остановке по требованию за семь километров до окружной. Кроме них, здесь никто не вышел. Да и назвать это нагромождение бетонных плит возле дороги остановкой простительно было, пожалуй, только слепому. Ничего похожего на станцию тут не наблюдалось. Просто рейсовый автобус замер испуганно на две с половиной минуты посреди леса, а затем отправился дальше, мгновенно забыв о трех мужчинах, оставшихся на сером наросте, уродовавшем почти идеальную прямую междугороднего шоссе.

Они долго смотрели друг на друга молча. Камуфляжные штаны, высокие армейские ботинки, объемистые рюкзаки, истертые временем и непогодой ветровки. И глаза такие же – истертые. Глаза без малейшего намека на счастливый исход.

– Ну что? – сказал наконец Серп. – Двигаем?

– А как же иначе, – сказал Молот и кивнул.

Лищедей поднял лицо к небу. В предвкушающей солнечный свет бледной синеве скользила обрывком ночи хищная птица. Ястреб или сокол.

Серп повел головой, втянул носом воздух.

– Ну что? – повторил он. – Пора. Танюха уже здесь.

– О чем думает? – спросил Лищедей.

– О том, что ее молодой человек согласился сюда приехать, только чтобы побыть рядом с Катей. Она думает, что ему нравится Катина грудь и ради этой груди он готов мерзнуть в палатке холодной сентябрьской ночью и гулять по лесу. Она пока не решила, хорошо это или плохо.

– Все?

– Танюха больше не сомневается. Вспомнила, на кого он раньше смотрел так же, как теперь на Катю.

– На кого?

– На нее.

– Девчонка-то не дура, – сказал Лищедей. – Соображает. Хотя ночи пока не такие уж холодные.

Спустя четверть часа солнце все-таки поднялось над горизонтом, запустив механизм нового дня. Трое шли через бурелом. Замшелые острия обломанных веток впивались им в кожу, цеплялись за одежду, смола пачкала ладони, паутина, тонкая и невесомая, словно воспоминания о счастье, липла на лица. Ботинки с чавканьем погружались в пушистый мох.

– Это болото, – сказал Молот. – Ты завел нас в болото.

Лищедей продолжал идти молча, не глядя по сторонам. Серп вполголоса напевал песенку о том, как меркнет солнце и тонет в море земля. Выходит, к кому именно обратился Молот, не совсем понятно – поэтому он произнес ту же фразу еще раз, более отчетливо и сурово:

– Дурак, ты завел нас в болото!

Лищедей остановился, медленно обернулся:

– Дурак?

– Что?

– Ты сказал «дурак»?

– Похоже, да.

– Ты выглядишь как взрослый мужчина, не забывай. Как мужик. Мужики не называют друг друга дураками. Это звучит странно.

Молот пожал плечами:

– Я не хотел обидеть тебя, а потому использовал самое безвредное из известных мне оскорблений.

– Я знаю еще более безвредное, – заявил Серп. – Шмара. Нет, то есть глупец. Да, глупец.

– Глупец обиднее, чем дурак. В нем есть дух старины, а значит, и смысла больше.

– Хорошо, – кивнул Лицедей. – Я понял. Двигаем дальше. Лагерь уже рядом.

Действительно, спустя пару минут они вышли к небольшой поляне, где вокруг еще дымящегося кострища стояли три двухместных палатки. Тишина здесь была не настоящей. В ней что-то зрело, готовилось, вот-вот должно было закипеть.

Трое остались за деревьями, наблюдать. Вскоре полог одной из палаток отодвинулся и изнутри бесшумно выбрался молодой мужчина, одетый только в майку и шорты. Он осторожно, стараясь не издать ни одного лишнего звука, застегнул полог и, подкравшись к палатке напротив, нырнул внутрь.

С такого расстояния нельзя было расслышать каких-либо слов, но трое прекрасно знали, что шепчут друг другу Катя и молодой мужчина в майке и шортах, которого она, сама того не особо желая, отбила у своей лучшей подруги.

– Буди Танюху, – устало проговорил Лицедей. – И пошли. До машины еще топтать и топтать.

3

Люди из Конторы никогда не приходят без предупреждения. Они никогда не звонят с угрозами, не поджидают у подъезда, не заглядывают в окна. Не их стиль. Гарракумба. Обратите внимание на надписи, появившиеся одним прекрасным утром на стене продуктового магазина, мимо которого обычно проходите по дороге на работу. Вы же ходите на работу? Вы же крутите колесо? Как мой прадед – он с восьми лет каждый день спускался в подвал мастерской и вращал с помощью специальной рукояти шлифовальное колесо наверху. Потом он вырос и перестал спускаться в подвал, сам сел за колесо, гоняя вместо себя вниз кого-то другого. Карьерный рост. Богатые перспективы. Заккарама. Шавратас.

4

В паре километров от города – они только что миновали очередной указатель – Лищедей скрутило. Он съехал на обочину и остановил машину.

– Совсем херово? – спросил зачем-то Молот.

Лищедей кивнул, пробормотал сдавленно:

– Я сейчас... – и, выскочив из автомобиля, скрылся за деревьями.

– Укачало? – невесело пошутил Серп, но сам даже не улыбнулся.

Молчали. Осматривались. Дорога была неплохого качества, со свежей, яркой разделительной линией. Справа высился сосновый лес, в котором сейчас тошнило их товарища и командира, а слева, за тощей линией посадок, раскинулись, как принято их именовать во всей русской литературе, «бескрайние» поля. Над ними тонуло в багровых облаках солнце.

– Хорошая погода, – сказал Молот. – Для осени очень даже неплохо.

– И для лета сошло бы, – согласился Серп. – Для августа вполне.

– Картошку копать.

– Да. Идеальная погода для картошки, ну и вообще... на даче посидеть.

Разговор не клеился. Этот треклятый городишко из абстрактной точки на карте превратился во вполне реальную угрозу. Они никогда не подбирались к нему так близко, разве что во снах. Серп вспомнил свои сны, содрогнулся от отвращения.

– Как думаешь, девчонка понимает, что происходит? – спросил он, чтобы избавиться от жутких образов.

– Вряд ли, – сказал Молот. – Если бы понимала, собрала бы манатки и свалила из города еще пару дней назад. Куда-нибудь на другой конец планеты или, на крайний случай, страны.

Лищедей, согнувшись, вышел из леса, добрался до машины, заглянул в окно.

– Молот, давай ты поведешь. Мне хреново.

– Не вопрос.

Молот пересел на водительское место, а Лищедей пристроился на пассажирском. Он заметно побледнел и тяжело дышал. Седеющие волосы на лбу слиплись от пота.

– На что это похоже? – спросил Серп, роясь в карманах в поисках пачки сигарет.

– На старуху, – ответил Лищедей и, подумав некоторое время, кивнул. – Да, на старуху. Я встал у какой-то сосны, чтобы сплевать, а она вышла из кустов, стала смотреть на меня. И говорить... поехали уже. Не надо терять время.

– Ага, – Молот повернул ключ в замке зажигания. Взревел мотор, машина тронулась с места. Лищедей не произносил ни слова. Двое его соратников тоже молчали, прекрасно понимая, что шефу нужно собраться с мыслями.

Только когда впереди показались первые дома, он начал рассказывать.

– Мы проехали пост, мне стало нехорошо. Я же предупреждал вас, что такое может происходить, если подберемся близко. Каким-то образом вся эта хрень влияет на меня. Я пошел в лес, сунул два пальца в глотку, надеясь просто проблевать. Иногда помогает. Помогало раньше. Тут все сложнее оказалось... слушай, дай закурить, а?

Серп удивленно протянул ему сигарету и зажигалку. За все то время, что они были знакомы, он ни разу не видел, чтобы Лищедей курил. Тот сделал первую затяжку, закашлялся.

– Бросил давно. Еще при Советской власти. Так... значит, стою я, давлюсь, а из меня ни черта не выходит. Даже не капает ничего. Ну, думаю, слава богу. И тут вдруг – как провало: поперла изнутри черная слизь. Льется на траву, а в ней что-то шевелится, копошится, расплзается в разные стороны. Ну я догадался, что это глюк, конечно. Почти сразу догадался, даже испугаться как следует не успел. Рвать перестало, откашлялся, рот вытер, к дереву прислонился. А она стоит напротив. Обычная такая старуха деревенская. Маленькая, сухонькая,

в рваной фуфайке, в шерстяном платке. Лицо сморщенное, рот беззубый. Ничего особенного, таких на каждой автобусной остановке здесь по пять штук.

Я ей и говорю, значит: «Здравствуйте». А она молчит. Улыбается. Хотя хрен знает, рот сморщенный, подбородок чуть ли не под самым носом. Непонятно в общем. Пялится на меня своими круглыми глазами. Ну, я подумал – может, глухая или, там, на голову больная, хотел снова поздороваться, но тут меня опять начало тошнить.

Лицедей замолчал, вытер рукавом пот со лба. Они въехали в город, и теперь по сторонам вместо деревьев мелькали дома, заборы, фонарные столбы.

– Нам куда? – спросил Молот.

– Улица Садовая, одиннадцатый дом, – ответил Серп.

– А это где?

– Вроде бы недалеко тут. То ли третий, то ли шестой поворот направо.

– Говорил же я, надо было купить джипиэрэсину. Сейчас бы, глядишь, никаких проблем не возникло.

– А ты по старинке.

– Это как?

– Выйди и спроси.

– Ну уж хрен, – Молот дал по тормозам, резко остановив машину посреди пустынной улицы. – Давай ты выйди и спроси.

Пока Серп объяснялся с проходившей мимо пожилой женщиной, Лицедей и Молот молчали и оглядывались. Городок производил унылое впечатление: обшарпанные пятиэтажки, почерневшие от времени частные дома и сараи, залитые грязью тротуары. Осенью все русские города полны тоски и безнадежности. Серые облака, серые окна, серые лица.

– Ага, – Серп вернулся в машину. – Я все выяснил.

– Молодец, – буркнул Молот, давя на газ.

Лицедей повернулся к Серпу:

– Будь другом, дай еще сигаретку.

– Пожалуйста.

Лицедей закурил, и в салоне вновь воцарилось молчание. Справа и слева пятиэтажки сменились двухэтажными каменными домами еще дореволюционной постройки. Некоторые из них выглядели весьма плачевно, другие щеголяли свежим ремонтом – но среди тех и других было мало жилых. Магазины, офисы, кафе, бары.

– Кажется, въехали в старую часть города, – протянул Серп. – Скоро уже...

– Угу, – Молот быстро взглянул на Лицедея. – Так что там со старухой в лесу?

Лицедей выкинул окурок в окно, ответил ровным голосом, не отрывая взгляда от дороги:

– Это неважно. Абсолютно неважно.

– Да ладно!

– Там нет ничего срочного. Может, потом как-нибудь. Сейчас нет настроения.

Молот хмыкнул. Спорить с шефом он, разумеется, не собирался. Но такой подход к делу ему не нравился. С другой стороны, если бы в лесном видении действительно содержалось что-то значимое, способное помочь в борьбе с врагом, Лицедей наверняка не стал бы утаивать это от коллег. Тем более, если увидел бы малейший намек на возможную опасность.

Или нет?

5

В школе на все можно смотреть с двух противоположных точек зрения. Здесь в одном здании заперты две почти никогда не пересекающиеся вселенные. Если сесть за учительский стол, то перед вами будут лица детей, равнодушные или заинтересованные. Еще будут столешницы парт, открытые учебники, тетради, шкаф у дальней стены и цветы на подоконнике, за которые вы лично отвечаете перед администрацией. Это взрослая вселенная. Она мала, ограничена трудовым договором и произволом начальства. Ее пейзаж состоит из объяснений, лицемерия, проверок домашнего задания и соблюдения дисциплины. Она – основа школы, самая банальная и примитивная ее часть.

Если же сесть за одну из задних парт, то вашим глазам предстанет совсем другой мир. Затылки, спины, секреты. Рисунки и надписи на спинках стульев: «Все лохи, шлюхи», «SlipKnoT», «Гопа сасун», шпаргалки, зажатые между коленями, книги, комиксы, мобильные телефоны, игральные карты, записки о том, кто кого любит. Это детская реальность. Она полна неожиданностей и неподдельных эмоций. Учеба – лишь фон, на котором разворачивается настоящая школьная жизнь.

Класс гудел, и успокоить его не представлялось возможным. Поэтому Таня оставила попытки вести урок и, для проформы озвучив задание (которое, конечно же, никто даже не начал выполнять), углубилась в заполнение журнала. У нее редко находилась возможность заняться бумажной работой, которой в жизни школьного учителя выше крыши. Работа эта большей частью абсолютно бессмысленна, никому не нужна и выполняется исключительно для галочки. Проверяется она тоже для галочки – Таня не сомневалась, что во время чуть ли не еженедельных проверок журналов, проводимых администрацией, никто так и не потрудился прочесть, что же именно написано на четко расчерченных страницах. Написано, и бог с ним.

Она всегда терпеть не могла возиться с казенной писаниной, еще с университетских времен, когда приходилось сдавать кучу всяческих отчетов для допуска к сессиям. От одной только мысли о графе «пройдено на уроке» внутри начинал ворочаться скользкий комок отвращения, и Таня хваталась за любую возможность избежать встречи с ней. Пустые графы копились, складывались в целые страницы, незаметно, исподтишка. В конце четверти они грозились напасть всем скопом, а спасительная лень уже не могла прийти на помощь. Поэтому сейчас, разумно рассудив, что не стоит тратить впустую и так уже потерянное время, Таня решила нанести упреждающий удар. Взяв ручку, она принялась сочинять.

К тому же, это помогало отвлечься от мыслей о вчерашнем утре. О сне, разбудившем ее: в нем трое странных людей с глазами, похожими на птички, танцевали вокруг поляны, где она с друзьями расположилась на ночлег. О том, как она проснулась и обнаружила, что осталась одна, о том, как спустя пару минут выбралась наружу и сразу услышала тихие, приглушенные стоны из Катинной палатки. О том, как сразу все поняла.

Она не разозлилась. Наоборот, испытала неожиданное, а потому особенно приятное облегчение. Это было словно вырвать больной зуб. То, к чему давно шли их отношения, последний год державшиеся только по инерции, случилось и оказалось вовсе не так страшно, как представлялось. Конечно, если хорошенько покопаться в себе, то наверняка можно будет обнаружить и боль, и обиду, и страх перед будущим, и презрение, и жалость – но вот копаться в себе Таня как раз не собиралась.

Когда звонок наконец-то прозвенел, незаполненными остались лишь последние две строчки в графе «Пройдено на уроке». Девушка захлопнула журнал, прикрикнула на тех, кто уже сорвался было с места к двери и, тщательно выводя буквы, написала на доске домашнее задание – номера страниц и упражнений. Вдвое больше, чем задавала обычно.

– Плюс к этому, – сказала она, с удовольствием разглядывая вытянувшиеся лица учеников, – вы должны доделать то, что начали сегодня. На следующем уроке я обязательно соберу тетради и поставлю каждому по две отдельные оценки.

– Ну Татьяна Павловна, ну почему так много?! – раздалось сразу несколько голосов. – Вы знаете, сколько нам на этой неделе всего делать?

– Знаю прекрасно. А что вы хотели? Четверть уже три недели как началась, а оценок маловато, вы их зарабатывать не хотите. Вот вас все учителя и эксплуатируют. Вопросов нет? Свободны.

Недовольно ворча, дети собирались, выходили из класса. Таня прошлась по опустевшему кабинету, поправила стулья, открыла форточку, подобрала с пола несколько скомканных фантиков и ручку, выбросила все это богатство в мусорное ведро, заперла дверь и быстрым шагом направилась в учительскую.

Ей нужно было покурить. Вытянуться на диване с сигаретой, уставиться в потолок, в тысячный раз изучить все его трещины и потертости. Выкурить одну, небрежно вытащить из пачки следующую. Музыка включить, потяжелее, погромче. Чтобы все вокруг собой заполняла, пропитывала сознание, чтобы выдавить напрочь все мысли об истории, дневниках, журналах, звонках, обо всем этом четко регламентированном безумии. Сигарета и музыка – вот что нужно. Книжку почитать какую-нибудь с лихо закрученным сюжетом, над которой надо не думать, а только следить за тем, как герои решают высосанные из пальца проблемы, невозможные в средней общеобразовательной школе. А потом, потом добраться до мольберта.

Но вместо сигареты в наличии имелся лишь сырой воздух, льющийся из форточки, вместо книг – невнятная писанина учеников, а вместо музыки – нескончаемый гул школьных коридоров.

В учительскую вошел Федор Петрович, учитель труда, классный руководитель шестого «В» и бывший друг Таниного отца. Бывший – потому что теперь у отца не могло быть друзей. Никто не знал даже, жив ли он. С тех пор как Павел Иванович Кирше сбежал из психиатрической лечебницы пятнадцать лет назад, никто, включая его дочь, не получил от него ни одной весточки.

Федор Петрович как мог помогал дочери друга, тянул за ниточки, которых за жизнь накопил немало, устроил ее сначала в вуз, потом сюда, в школу. Хотя вряд ли это можно было считать помощью. Взять хотя бы чертов шестой «В». Худший класс в пока еще совсем короткой учительской карьере Тани.

Дети не дают учителю второго шанса. Никакой реабилитации. Или ты ломаешь их в первые дни знакомства, или они потом постоянно ломают тебя. Закон джунглей. Она со всеми нашла общий язык, кроме вот этих двенадцатилетних болванов. Никаких улучшений ждать не приходилось. Конечно, в других классах тоже попадались тяжелые экземпляры, но здесь их было подавляющее большинство. И литера «В», последняя в параллели, отражала их сущность как нельзя лучше – ученики третьего сорта, собранные в одну кучу еще после окончания начальной четырехлетки. Их могло быть гораздо больше, если бы многие прошлым летом не отправились в школу коррекционного обучения. Федор Петрович называл это «сдать с отличием экзамены в школу дураков». Хотя наверняка от «дураков» шума и проблем было бы меньше.

Увидев Таню, трудовик расплылся в улыбке.

– Привет историкам!

– Здравствуйте.

– Скучно сегодня в школе, да? Никто не подковырнет, не съязвит.

Федор Петрович был высок, массивен, похож на медведя и производил впечатление огромной силы, несмотря на солидный возраст и лишний вес. Он тяжело опустился на потертый диван с другой стороны от фикуса, хитро прищурился:

– Ну как там мои? Как всегда, ангелы?

– Ага, – Таня сморщилась. – Бьют все рекорды.

– Никогда такого класса не было, – Федор Петрович покачал головой. – Сорок лет почти уже работаю, были сложные случаи, но подобного ни разу не попадалось. Сплошные отморозки. Честное слово, даже в ПТУ было легче, хотя там настоящий ад творился.

Таня приготовилась слушать, много улыбаться и кивать головой. Федор Петрович любил поговорить и никогда не упускал шанса поделиться своим бесценным опытом с молодым специалистом. Рассказывал он в основном одни и те же истории, но иногда они даже казались Тане забавными. Иногда речь заходила об отце.

– Я в ПТУ всего год отработал, не выдержал больше. Очень тяжело оказалось, молодой еще был, все всерьез воспринимал. А там ведь как? На первых двух курсах – чистой воды сумасшедший дом, никому ничего не надо, на занятиях постоянно крики, драки. А ты для них – так, пустое место. Отмахиваются от тебя, как от мухи. Только с третьим курсом уже легче немного. Они не то чтобы умнеют, а, так сказать, успокаиваются, детство у них в заднице играть перестает. Вот сидят, в окна смотрят, спят. Тебя, само собой, по-прежнему никто не слушает, но шума уже нет. Но это все равно неприятно – будто перед пустой аудиторией распинаешься. А попробуешь их как-то расшевелить, спросишь что-нибудь, так они к тебе даже головы не повернут. И знаешь, что я через полгода придумал?

– Что? – Таня, уже пару раз слышавшая нечто подобное, постаралась придать лицу самое заинтересованное выражение, на которое только была способна.

Федор Петрович хитро улыбнулся и заговорщицки потер руки:

– Это, конечно, совсем не педагогично было, но зато помогало поддерживать порядок и внимание. Я им рассказывал новости из газет, истории из разных книг, про графа Монте-Кристо, про трех мушкетеров. Они же ведь не читали, не знали ничего совершенно. И представляешь, сработало! Слушали меня, открыв рот, а если кто-нибудь из самых отмороженных все-таки скучал и начинал возникать, так его тут же свои утихомиривали. Я им и вместо радио, и вместо телевидения был. Ну а пытаться по предмету что-то рассказывать все равно бесполезно было – учеба их не интересовала совершенно. Самое забавное, что все другие учителя удивлялись, как мне удается добиваться такой тишины на занятиях. Порядок был только у троих: у меня, у учительницы русского языка и у преподавателя черчения, папы твоего. Так вот, русичка поступала просто, но эффективно: всех, кто не выполнял ее задания на уроках, она оставляла после них – до тех пор, пока все не будет сделано. Любой мужчина на ее месте давно бы уже огреб от своих подопечных в темном переулке, но ее не трогали, даже у самых тяжелых хватало на это ума. Все они, скрипя зубами и мозгами, потели на ее занятиях, выполняя, что требовалось, так как знали, что им придется это делать в любом случае.

Кстати, у ее мужа, историка, вечный бардак был, даже страшней, чем у меня поначалу. Никак он не мог дисциплину поддерживать, его за это постоянно на педсоветах распекали, грозились, ругались, а он все отшучивался. Но зато, когда кто-нибудь из выпускников прошлых лет навещал ПТУ, шли только к нему, ни к кому больше.

Ладно, это неважно. Я про Павла Иваныча хотел рассказать. Он, кроме черчения, был еще и завучем по воспитательной работе. Воспитывал он характерно. Сама знаешь, росту невысокого, мне едва до плеча доставал, а пэтэушники его боялись до смерти. В первые пару месяцев, когда мне еще совсем не удавалось обуздывать первокурсников, он помогал. Заходил во время урока в аудиторию, сразу наступала полная тишина. Все вставали, вытягивались перед ним, а он между рядов медленно так ходил и на каждого снизу вверх смотрел. Взгляд у него был страшный, безумный совершенно, злой. Такая чистая, неподдельная ненависть. Этого хватало, чтобы подавить волю даже самого отъявленного хулигана. Некоторые выше его на две головы и вдвое шире, а чуть ли не дрожали, когда он рядом стоял. Голоса не повышал никогда, говорил тихо, почти шепотом, но я думаю, каждое слово доходило до всех. Пока он был в классе,

никто ни звука не издавал, даже слышно было, как муха летает. Seriously, я всегда думал, что это так просто, устойчивое выражение, присказка. А оказывается, нет – действительно, так и было: все по струнке, Павел Иванович на них внимательно смотрит, а я слышу, как муха летит. Представляешь?

Таня, для которой отец давно превратился из родного человека в любопытного исторического персонажа, удивленно подняла брови:

– Правда?

– Чистейшая! Никогда и нигде больше такого не было. Умел батя твой порядок навести. Хотя он вообще-то странный был товарищ: слонялся все время в одном и том же пальто, таком широком, темно-синем, с коллегами общался мало, приходил всегда раньше всех. Да еще эти его отношения с учениками. Короче говоря, уже тогда можно было догадаться, что у него не все дома.

– Что же вы не догадались?

– Да я как-то... – Федор Петрович опустил глаза. – Не заметил. С самого детства же его знал, вот и проглядел. Мы ведь по соседству жили, на Девятой линии, Павел Иванович – тогда еще просто Пашка – через два дома от меня.

– Разве? Мама рассказывала, будто он из какой-то деревни родом.

– Нет, нет, что ты! Он местный. Точно говорю.

– Может, я просто путаю.

– Наверно. Или мама твоя путала. Она тоже не знала про него всего. Он самым обычным был ребенком, а вскоре после окончания школы исчез и вернулся только через несколько лет. Не знаю, чем он занимался. Говорил, что работал на Севере, да только каждый раз упоминал разные города, поэтому я думаю, он врал. И тогда же вот эти его странности начали проявляться. Пальто, по-моему, тоже в то время появилось. И мать его в дом не пустила, ему пришлось снимать комнату у моей тетки.

– То есть его где-то свели с ума?

– Похоже на то. Да уж, вот тема для рассказа, а! И не выдумай нарочно, прямо бери и пиши. Ты ведь вроде пишешь рассказы?

– Нет. Я рисую.

Федор Петрович кивнул и замолчал на минуту, потом, зевнув, взглянул на часы.

– Звонок сейчас. Сходить, что ли, в столовую, перекусить. Ты не ешь в школе?

– Нет, – Таня натянуто улыбнулась. – Меня и дома неплохо кормят.

– Все равно, здесь тоже нужно питаться, все-таки до двух часов работаешь. Ладно, пойду. Напомни рассказать как-нибудь еще про то, как я со своими пэтэушниками подрался. Бывало и такое.

6

Учителя нет. Блаженное безделье царит в классе, наполняет воздух гулом множества разговоров. Шепчутся, хихикая, девчонки-отличницы на первых партах. Учебники перед ними предусмотрительно открыты на нужных страницах на тот случай, если вдруг войдет кто-то из взрослых. Позади них – ботаники и крепкие середнячки. Каждый занят своим делом: парочка стремительно списывает физику, на соседней парте спорят о преимуществах Огненного Меча Древних Богов над Молотом Подземных Предков, некоторые сосредоточенно таращатся в сотовые телефоны. Один из ботанов, кажется, и вправду читает заданный параграф. Одно слово – чудак.

На «камчатке» самое горячее место. Ее обитатели сгрудились вокруг Лешки Симагина и Артема Кривошеева. Эти двое – с самого детства друзья неразлейвода – только вчера вернулись из санатория, в котором отдыхали две с половиной недели по заводским путевкам, и теперь рассказывают о своих любовных похождениях.

– ... А во вторую половину смены я крутил с Валькой Пономаревой из детдома. В последнюю ночь отдрючил ее.

Вздых недоверия, смешанного с восхищенной завистью:

– Да хорош!

– Отвечаю. Мы с ней под койкой делали тилли-вилли.

Гогот. Это словечко парни тоже привезли из санатория, а теперь оно стало достоянием класса.

– Она говорит, что ничего не было, но это все правда. Вон Тема докажет.

Кривошеев важно кивнул. Симагин толкнул его локтем:

– А ты сам-то тогда с кем замутил? С Ленкой, штоль, Семеновой?

– Ты че! Я у старшеклассниц ночевал из первого отряда. С Ленкой вроде Ванек отжигал.

– Какой Ванек?

– Да такой чувак в майке «Корн», помнишь?

– Помню. Это он на Ленку запал?!

– Ага. И она на него. Всю последнюю дискотеку только вдвоем танцевали. Утром, когда уезжали, ревела как корова.

– Жесть, блин.

– Дура, что сказать...

Один из слушателей тронул Кривошеева за рукав:

– Ну что там со старшеклассницами? Ты с ними... того...

Тема пожал плечами.

– Конечно, а как же! До самого утра только тилли-вилли.

Взрыв хохота. Один из середнячков, Вадик Королев, недовольно обернулся.

– Вы задолбали ржать уже! Давайте потише.

Вадик для своего возраста высок и широк в плечах, а еще занимается в Доме Спорта в секции самбо, поэтому обычно его стараются не задевать. Но сегодня не тот случай.

– Потише у тебя на поминках будет, – оскалился Симагин. – Иди в жопу!

– Ты там часто бываешь? – парировал Вадик. – Дорогу хорошо знаешь.

Симагин поднялся со стула. На лице его появилось предвещающее неприятности выражение – рот приоткрыт, нижняя челюсть чуть выдвинута вперед, глаза, теперь уже пустые и злые, впились в противника.

– Ты остряк, шоль? – интонации выдают гопника с головой. – Умный, шоль, язык заточил?

Вадик тоже набычился. Сдаваться не в его обычае.

– Мозги себе заточи!

– Ну все, – Симагин отодвинул в сторону Кривошеева и выбрался из-за парты. – Щас я тебя выхлестывать буду.

– В зубы словишь.

– Да я твои атаки письюшкой отобью!

Гогот. Глаза мальчишек загорелись ожиданием. До каждого доходит – драки не миновать. Это вам не самодовольные рассказы, в лживости которых на самом деле никто не сомневается, это – настоящее зрелище. Вадик раздраженно повел плечами. Видно, что он не хочет схватки, но не собирается избегать ее.

– Отбей, – сказал он хрипло и добавил громко, отчетливо, так, чтоб все слышали. – Мудак.

Удивленный вздох пронесся среди зрителей. Дело назрело серьезней некуда, так что теперь даже отличницы с первых парт бросили свои дела и разговоры.

– Что ты там вякнул? – тихо, почти шепотом, спросил Симагин. Фраза эта – часть ритуала, способ проверить, как крепко готов противник стоять на своем.

Вадик оказался готов.

– Мудак, – смачно, с охотой повторил он.

Лешка быстро шагнул к нему, замахиваясь правой рукой, Вадик, чуть пригнувшись, будто для броска, сделал шаг навстречу, все вокруг замерли в предчувствии неминуемого столкновения, но тут вдруг скрипнула, открываясь, дверь кабинета.

– Та-ак! Это что тут у нас за столпотворение! – раздался строгий голос вернувшейся учительницы. – А ну, все по местам!

Дети с треском и грохотом роняемых в спешке стульев рванулись к своим партам. Посреди класса остались стоять только Лешка и Вадик. Не желающие сдаваться, уступать, готовые в любой момент пустить в ход кулаки.

– Симагин, Королев! – повысила голос учительница. – Вам нужно особое приглашение, да?

Эта фраза – тоже часть ритуала. Она обозначает границу между предупреждением и наказанием, между сердитым и уже озлобленным преподавателем. Если продолжать гнуть свою линию после «особого приглашения», то можно запросто дожидаться замечания в дневник, беседы с директором или вызова родителей. Так что Вадик и Лешка еще пару мгновений постояли лицом к лицу, сверля друг друга взглядами, а потом разошлись.

– Не знаю, что вы тут не поделили, – строго заметила учительница, – но уверена, что это не стоит пары разбитых носов.

Много бы она понимала. Вся ее литература действительно не стоит и одного разбитого носа, тут уж никаких сомнений. Лермонтов, блин. Герой нашего времени. «Я ехал на перекладных из Тифлиса...» Хрень какая-то.

В классе наступила относительная тишина, нарушаемая только скрипом мела по доске да шуршанием на «камчатке». Что-то нехорошее готовилось там, Вадик, даже не оборачиваясь, чувствовал исходящую оттуда угрозу.

– Итак, – литераторша закончила наконец скрести мелом, повернулась к классу: – Кто же из вас готов прокомментировать только что прочитанный параграф и ответить на вопросы, которые вы видите на доске?

– Ну Мария Николаевна! – хором заныли отличницы. – Мы еще не успели!

– У вас было достаточно времени! – сурово отрезала преподавательница. – Если только вы работали, а не занимались чем-то посторонним.

– Пожалуйста! – не унимались отличницы. – Дайте нам еще две минуты!

– Хорошо. А вот Королев, например, сидит себе спокойно и даже в учебник не смотрит. Он, видимо, уже со всем разобрался. Ну-ка, Вадим, давай, попробуй ответить на первый вопрос.

Вадик угрюмо поднялся. Взгляды всего класса были обращены к нему, в большинстве из них читалось лишь одно чувство – облегчение. Сзади раздался презрительный смешок, и Вадик с огромным трудом удержался от того, чтобы повернуться и показать этим козлам средний палец. Сосредоточиться на вопросе не получалось. Он даже не попытался дочитать его до конца. Что-то о влиянии Кавказа на творчество Лермонтова. Кому вообще есть до этого дело?! Вместо ответа он только упрямо молчал и рассматривал носки своих кроссовок до тех пор, пока литераторша, тяжело вздохнув, не разрешила ему сесть.

Урок продолжился, потек по привычному руслу. Девочки с первых парт тянули руки, в ужасе лопотали слова, смысла которых не понимали, и с благоговением наблюдали, как учительница ставит в журнале вожделенные значки. Задние ряды бесчинствовали: пускали самолетики, играли в карты, прикрываясь учебниками. Одни рисовали в тетрадах, другие старательно украшали портреты классиков усами, рогами, очками и половыми органами.

Через несколько минут кто-то кинул ластик в спину Вадику. Тот обернулся. Симагин и Кривошеев скалились, нагло глядя прямо на него. Лешка выразительно провел указательным пальцем поперек горла. Вадик в ответ усмехнулся как можно равнодушной, а затем все-таки показал им палец.

– Королев! – почти в тот же миг раздался оглушительный окрик учительницы. – Ты будешь сегодня спокойно сидеть или нет?! Сколько можно с тобой говорить?! В начале урока чуть драку не устроил, а теперь вертишься постоянно!

На такие обвинения лучше не отвечать и не пытаться их опровергнуть. Будет только хуже. Впрочем, в этот раз виноватое молчание не помогло.

– Знаешь что, Королев! Вот не хотела я тебе двойку ставить за ответ. Точнее, за отсутствие ответа. Но своим поведением ты меня вынуждаешь! Все, давай сюда дневник!

Сопротивляться не имело смысла.

На перемене Симагин и Кривошеев подошли к нему, ухмыляясь.

– Слышь, – сказал Лешка, легонько толкнув Вадика в плечо, – забиваю те стрелу.

– Сегодня после уроков за гаражами, – добавил довольный Кривошеев. – Приводи своих, сколько соберешь.

Оба заржали в голос, им было прекрасно известно, что у Вадика, нелюдимо и угрюмого, вечно погруженного в свои мысли, нет друзей в школе. Вряд ли кто-то согласился бы поддержать его в такой передраге.

Королев только невозмутимо кивнул, отпихнул Симагина в сторону и пошел своей дорогой. Близких друзей у него действительно не было – до недавнего времени. Летом в лагере он сошелся с Денисом Лопатиным на благодатной почве увлечения баскетболом и туризмом, а самое главное – неразделенной любви к Даше Федоровой, их вожатой.

С началом занятий дружба не исчезла, а только укрепилась благодаря взаимовыгодному сотрудничеству: выяснилось, что Вадику легко даются точные науки, но беда с языками и литературой, у Дениса же все было с точностью до наоборот. Вот они и организовали тандем, регулярно помогая друг другу с домашним заданием. Кроме того, они просто прекрасно дополняли друг друга: массивный, тяжелый на подъем Вадик, из которого каждое слово надо было тянуть клещами, и шустрый, подвижный Денис, болтливый балагур. Получилась классическая пара приятелей, будто из кино или комиксов. Им обоим это страшно нравилось.

Денис, конечно, не был крутым бойцом и сам по себе особой ценности в драке не представлял, но у него имелось одно огромное преимущество – множество друзей по всей школе, в том числе в старших классах. Уж он-то мог «подтянуть» на стрелку кого угодно и в любых количествах. Так что Вадим без всяких колебаний отправился на поиски товарища.

Они встретились, почти столкнулись, около столовки. На висках Дениса блестели капли пота, и весь он был красный, выдохшийся. Видимо, с физкультуры.

– Здорово!

– Здорово! К тебе дело есть.

– Что случилось?

Вадик жаловаться не умел и не любил. Но сейчас он не видел другого выхода, а потому, отведя друга в сторону, начал сбивчиво рассказывать о своих злоключениях. Денис выслушал, кивнул, хлопнул его по плечу.

– Не ссать, все будет!

– Да я не ссу.

– Ладно тебе, есть немножко. Не волнуйся, я подтяну народ. Мы этим мудакам вломим на полную. Они на тебя даже смотреть потом будут бояться. Будут кланяться и говорить: «Король-сан, разрешите поцеловать вашу величественную жопу».

Вадик засмеялся. Денис успокоил его. Денис это умел.

7

Вадик стоял на крыльце школы и не мог решить, что делать. Последний звонок прозвенел пятнадцать минут назад, сейчас мимо него валом валили довольные ученики, для которых очередной школьный день подошел к концу. Дениса не было, он так и не появился, а позвонить ему Вадик не мог, потому что не находил мобильник. Наверное, оставил дома на книжной полке. День за днем он таскал сотовый с собой, ни разу не воспользовавшись им, – а сейчас, когда эта проклятая штуковина так нужна, ее нет под рукой. Он пытался разыскать кого-нибудь из одноклассников Дениса, хотел попросить их позвонить ему, но, как назло, они тоже все куда-то подевались.

Внутри Вадика боролись два человека. Один истерично кричал: «Беги! Беги домой! Тебя все бросили! Беги, пока еще есть возможность, пока не поздно!», а второй сжимал кулаки, наклонял коротко стриженную голову и упрямо повторял: «Не смей. Не смей трусить». Первый почти уже победил, когда в дверях показались Кривошеев, Симагин, а с ними еще двое.

– Опа, – оскалился Симагин. – А мы думали, ты сдристнул!

Они заржали.

Вадик ничего не ответил. Он понял, что попал в очень нехорошую ситуацию и совсем не хотел делать ее еще хуже.

– Ну че, – Симагин панибратски хлопнул его по плечу. – Пойдем, что ли.

– Пойдем, – Вадик вдруг с ужасом понял, что у него дрожат колени. Возможно, при ходьбе это будет не так заметно.

Они двинулись в сторону гаражей; по дороге Симагин просто излучал издевательское добродушие. С какой-то дикой иррациональной уверенностью Вадик надеялся, что Денис с друзьями уже ждут их там, за гаражами. Стоят с каменными лицами, как бандиты из сериалов. Вот сейчас Кривошеев увидит их и поймет, что наехал совсем не на того человека. Это представилось так ярко, так четко, что Вадик почти успокоился, даже улыбнулся.

Но вот они обогнули гаражи – за ними было пусто. Холодный ветер трепал высохшие кусты полыни, покрывал рябью поверхность пары луж. В грязи, расчерченной следами шин, тут и там лежали толстые широкие доски для удобства передвижения, и, пройдя по ним на более или менее сухой клочок земли, процессия остановилась.

– Ну, – Симагин повернулся к Вадику, в глазах – лед. – Что ты там сказал мне?

– Ты не глухой, слышал.

– Не понял вопроса, козлина, так? Повторить?

– Повтори.

Симагин криво усмехнулся и толкнул Королева обеими руками в грудь:

– Я тя спрашиваю, чо ты сказал!

Вадик толкнул его в ответ.

– Ты слышал!

Симагин размахнулся, ударил правой. Вадик пригнулся, схватил противника за ногу обеими руками и дернул на себя. Прием был проведен четко и быстро. Тренер в секции самбо гордился бы им. Симагин опрокинулся назад, повалился спиной в грязь. Не давая ему опомниться, Вадик принялся заламывать ногу, намереваясь применить болевой, но тут остальные трое пришли на помощь жожаку.

8

Симагин после обеда вернулся к школе, благо жил совсем недалеко, на соседней улице. Отец опять пришел домой «в умат» и принялся крушить все, что подворачивалось под руку, не делая никаких исключений для членов семьи. Мать с бабушкой и младшим братом заперлись в дальней комнате – специально для таких случаев Лешка еще месяц назад поставил на ее дверь большой прочный засов, – а сам он отправился гулять. Погода не радовала, небо выглядело так, словно вот-вот должен был начаться дождь, и на улицах не встретилось ни одного приятеля. Послonyaвшись по дворам, Симагин вышел к школе, от нечего делать присел на покосившуюся скамейку у клумбы.

Если бы у него имелось ружье, хотя бы какая-нибудь старенькая пневматика, он бы нашел, чем себя занять, это уж точно. Он бы забрался на один из гаражей и принялся бы мстить школе за всю ту скуку, которую приходилось в ней выносить, за всю ту злость, с которой в ней к нему относились. Сначала – окна директорского кабинета. Вон они, почти сразу над входом, чуть левее. Сколько раз ему приходилось там бывать? Явно побольше, чем некоторым из учителей. Стоишь, молчишь, опустив голову, изображаешь, будто виноват, будто тебе стыдно, будто готов понести любое наказание, а сам в это время думаешь только о том, что бы ты сделал, если б все получилось наоборот – если б это они стояли перед тобой, несчастные, уже раздавленные осознанием твоей власти над ними, власти сделать все что угодно, хоть ремнем выпороть – ведь за них некому будет заступиться.

Симагин даже заулыбался от таких мыслей. У него всегда было много самых разных врагов – начиная от отца и заканчивая новоприобретенным, этим тупым чмошником Королевым, который сегодня оскорбил его, – и он должен со всеми разобраться. Не сомневайтесь, разберется, дайте только время. Корольев, гнида, не сумел избежать люлей, но заслуживал большего. Надо будет исправить недоработку, подрихтовать ему морду так, чтобы говорить и есть стало очень трудно, чтобы пришлось вставлять зубы. Пидарас сраный! Никто раньше не осмеливался так разговаривать с Лешкой, его даже старшеклассники побаивались. Теперь придется заставить их бояться заново. И начинать надо именно с этого недоделанного самбиста.

Он не ел с самого утра, но, как назло, в карманах не нашлось ничего, кроме горстки мелочи, которой не хватило бы и на полстакана семечек. Возвращаться домой не имело смысла – там можно было найти только люлей от взбешенного папаши, – а шляться по друзьям Симагин тоже не хотел. Но возможность раздобыть немного на пропитание находилась прямо перед ним, нужно лишь пересечь школьный двор и подняться на крыльцо. У малолеток в продленке обычно имелись небольшие деньги, оставленные родителями на какую-нибудь вкусность или на всякий случай. Отжать у них полтинник-другой никогда не составляло труда. Кроме того, у него было кое-что припрятано в секретном тайнике на втором этаже. Нужно достать. Главное – не попадаться на глаза воспитателям.

Симагин вытащил из кармана свой старый, исцарапанный мобильник, глянул на время. 16:44. Большинство воспитателей в столовой, заняты организацией ужина для подопечных, а дети предоставлены сами себе, играют в коридорах. Лучшего момента для действий не найти.

Он поднялся со скамейки и пошел к школе, с особым удовольствием наступая на лица человечков, нарисованных разноцветными мелками на асфальте перед крыльцом. В вестибюле не оказалось никого, кроме технички, дремлющей с женским журналом в руках. Симагин одним движением миновал вход в столовую, откуда доносились голоса взрослых и звон расставляемой по столам посуды, змеей взметнулся по лестнице на второй этаж, где сразу наткнулся на стайку смеющихся девчонок со скакалками в руках. Девчонок трогать не следовало – не потому, что это было недостойно мальчишки (Симагину никогда в голову не приходило размышлять о таких странных вещах, как достоинство), а потому что они почти наверняка нажа-

ловались бы, и тогда ко всем уже имеющимся проблемам Леши Симагина добавилась бы еще одна. Нет, искать нужно пацаненка, желательно поменьше и помладше, запугать его как следует, чтоб даже мысли не возникло рассказать о произошедшем родителям или учителям. У Симагина имелось несколько «данников» такого типа, но ни один из них в продленку не ходил.

Он осторожно проскользнул мимо плотно закрытой двери комнаты, в которой помещалась группа продленного дня. Изнутри доносились возбужденные голоса малолеток и приглушенная агрессивная возня – судя по всему, внутри происходила нешуточная драка, какие обычно имеют место в отсутствие взрослых. Не поделили карандаш или листок цветной бумаги.

– Ты чмо! – раздался за дверью полный слез голос.

– Сам чмо! – был ответ. – Чмо и козел!

Симагин с трудом подавил желание войти внутрь и убедительно доказать мелким ублюдкам, что каждый из них ничтожество. Наверняка их там полным-полно, кто-нибудь один обязательно потом проговорится. Светиться не следовало ни в коем случае. Повернув за угол, он увидел в дальнем конце коридора невысокую щупленькую фигурку в белом спортивном костюме. Мальчишка стоял под окном и ковырялся шариковой ручкой между ребрами радиатора. То, что нужно.

Бесшумно подойдя ближе, Симагин окликнул его:

– Эй, парнишк!

Тот испуганно обернулся, пытаясь спрятать ручку в карман куртки, который, как назло, оказался застегнут на молнию.

– Чего здесь делаешь? – спросил Симагин, строго прищурившись. Он знал, что подобные вопросы действуют на пацанов типа этого безотказно, заставляя их сразу чувствовать себя виноватыми, пусть даже неизвестно в чем.

– Ничего, – ответил мальчик, послушно опустив глаза. – Просто. Гуляю.

– Ты мне тут школьное имущество не ломай! – едва сдерживая смех, сказал Симагин как можно более «строгим» тоном. – Батарей не для того повесили, чтобы ты их разрисовывал!

– Я не разрисовывал...

– Да ладно! Хорош гнать. Так, у тебя, случаем, мелочи нет никакой?

– Мелочи? – удивленно переспросил мальчик.

– Да. Деньги. Есть у тебя деньги?

Пацаненок помолчал несколько секунд, потом кивнул и, расстегнув-таки тот самый злополучный карман, извлек смятую бумажку в пятьдесят рублей.

– Ага, – Симагин протянул руку. – Давай сюда. И я никому никогда не скажу, что ты испортил школьное имущество. Считай, тебе еще повезло.

– Это мне на автобус, – грустно сказал мальчик.

– Пешком дойдешь. Или хочешь завтра к директору в кабинет попасть?

Жертва испуганно замотала головой и, поколебавшись еще пару мгновений, все-таки отдала деньги.

– Молодец, – сказал Симагин. – Если бы воспитатели увидели, что ты натворил, родителей бы точно вызвали, считай. А теперь они не узнают. А про деньги скажешь, что потерял. Договорились? Ну, вот и отлично. Чеши отсюда быстрее, пока никто не пришел!

Мальчишка быстро скрылся за поворотом. Теперь десять раз подумает, прежде чем снова прикасаться к батареям. И уж тем более никому и словом не обмолвится о произошедшем. Симагин довольно сплюнул на обшарпанный линолеум. Полтинник – не бог весть какие деньги, но явно лучше, чем ничего. Еще бы столько же, и можно считать, что день удался.

Он сделал несколько шагов назад, вслед за обобраным малышом, прислушался к происходившему в продленке, без труда различил чей-то обиженный, захлебывающийся рев. Скорее всего, один из драчунов получил-таки как следует по морде. Тем лучше – воспитателям будет

чем заняться по возвращении, а у него появится небольшой запас времени, чтобы поискать новую жертву.

Он услышал, как дверь распахнулась, выпустив в коридор шум множества детских голосов, среди которых особенно выделялся один, наполненный слезами и чистой, неприкрытой ненавистью:

– Я тебе башку разнесу! Вот увидишь! Ты покойник!

– Пошел в жопу! – летел в ответ самодовольный крик победителя. – Гондон!

– Сам гондон! Сам в жопу! – не сдавался проигравший, стремительно приближаясь к углу, за которым стоял Симагин. Тот быстро отступил на несколько шагов и едва успел скрыться в нише, оставшейся от старого входа в спортзал, когда мимо пронеслась гурьба пацанят вдвое ниже его. У того, что шел впереди, по лицу текли слезы, смешиваясь с кровью из основательно разбитой губы. Следовавшие за ним по пятам друзья пытались утешить раненого товарища, но безуспешно – гнев и обида, многократно усиленные болью, не позволяли слышать ничего, кроме оскорбительных воплей врага. Симагину хорошо было знакомо это чувство, он даже почти пожалел пострадавшего.

Победитель тоже оказался из-за угла. Это был плотный, коренастый мальчишка с взлохмаченными, слипшимися от пота волосами. Симагин, хищно оскалившись, покинул укрытие и набросился на него, словно тигр на антилопу. Схватив пацана за плечи, он прижал его к стене и зашипел ему прямо в лицо:

– Ты какого хрена делаешь, сучонок, а? Ты что это творишь?!

– Он первый начал! – огрызнулся тот, но сопротивляться не пытался.

– Так это ты ему морду разбил, а не наоборот. Что-то я не вижу крови на твоём таблошке.

А если я тебе так же, а? Прямо сейчас вот возьму и расхерачу весь хлебальник! Ну-ка!

Симагин отступил на шаг, замахнулся. Мальчишка сжался, зажмурился, закрывая руками голову. Но удара не последовало – вместо этого Лешка основательно встряхнул его и зарычал в самое ухо:

– Тебе вмажешь, блин, потом от воспитателей получишь. Ты же ведь настучишь, сука, да? Сразу побежишь к ним плакать, как баба?

– Нет.

– Что?!

– Не побегу.

– Ладно. Давай так сделаем: деньги есть у тебя? Хоть какие-нибудь?

– Есть. Вот, – мальчишка вытащил из заднего кармана джинсов скомканную купюру в сто рублей. Симагин быстро схватил ее и, отвесив ему сочный подзатыльник, отошел в сторону.

– Скажешь кому-нибудь, что меня видел, я тебя закопаю, понял?! И за того пацана тоже вломлю заодно. Дошло?

– Дошло.

– Вали!

Малолетка поплелся обратно в кабинет продленки, а Симагин, аккуратно расправив сотню, сунул ее в карман к полтосу. Надо же, блин, так четко обломал этого мелкого мудака – только он обрадовался, что победил в драке, как тут же лишился и бабла, и спокойствия, и самоуважения. Возможно, у второго «боевика», того самого с разбитым носом, тоже имелись при себе деньги, но наезжать на него сейчас не следовало, он по злобе и обиде вполне мог не поддаться на угрозы и действительно пожаловаться старшим.

Сто пятьдесят рублей – неплохой улов для одного вечера, тем более такого, который начинался из рук вон плохо. Их хватит на перекусить, на запить, а если добежать к ларьку за парком, то можно и пива купить. Симагин пока не особенно любил спиртное, но эффект ему нравился: все равно что клею нанюхаться, как он иногда делал в детстве, только гораздо мягче и безопаснее. То, что нужно.

Самое главное сейчас – улизнуть из школы так же незаметно, не попавшись на глаза ни одной из воспитательниц или техничек. Тогда, даже если кто-то из разведенных на бабки лошков и решится рассказать о том, что с ним случилось, предъявить Симагину не смогут ничего. Он уйдет в отказ, любые попытки обвинить его просто обломаются.

Лешка направился к лестнице, но, услышав снизу голоса преподавателей, шмыгнул в туалет для мальчиков, намереваясь отсидеться там до тех пор, пока вся группа продленного дня не окажется в столовке. К тому же, в самом деле не мешало бы забрать записку. Он прошел в дальний конец туалета, присел у батареи и, отодвинув одну из кафельных плиток, достал из тайника мобильник.

Аккуратный прямоугольный корпус, гладкая глянцевая поверхность. Вокруг свернулись тоненькой змейкой наушники. Ни единой царапинки, не то что на его древнем сотовом, доставшемся от отца. Хороший телефон. Он вытащил его из куртки Королева в раздевалке перед тем, как пойти на стрелку.

У Симагина не было ни одного шанса когда-либо получить нечто подобное честным путем. Ему никогда не подарят ничего хотя бы наполовину столь же дорогого, да и сам он вряд ли сможет зарабатывать на такие игрушки. Отбирая мелочь у малолеток, состояния не сделаешь.

Он нажал кнопку, и экран – большой, цветной, совсем не чета крохотному черно-белому дисплею – зажегся, предлагая обширное меню. Кое-как разобравшись с непривычным сенсорным управлением, Лешка принялся смотреть видео. Обычная хренотень: какие-то мультики про роботов, обзоры компьютерных игр, клипы. Полная лажа, в общем. Ни расчлененки из морга, ни порнухи. Скучно. Лешка открыл раздел «Музыка», но просматривать его не стал – за стеной малолетки с шумом повалили в столовую. Слышно было, как воспитатели успокаивают их, едва перекрикивая. Отлично, пора действовать.

Симагин сунул телефон в карман, вышел из туалета, короткими перебежками двинулся вниз по лестнице. На первом этаже он осторожно заглянул в столовую и, убедившись, что все старшие заняты рассаживанием подопечных по местам, рванул к выходу. Технички в вестибюле вообще не оказалось. Выскочив на улицу, Лешка едва не рассмеялся от удовольствия. Вторая половина дня оказалась явно лучше первой – давно ему так не везло. А если честно, то никогда.

Он поспешно миновал гаражи, направился к мини-маркету «ИП Кузнецов» на автобусной остановке, по дороге крепко сжимая в кармане телефон. Симагин, несмотря на свой возраст, прекрасно понимал: то, о чем знают двое, не может долго оставаться тайной. Если хоть кто-нибудь, пусть даже самый надежный друг (впрочем, таких у него не было), увидит злосчастливый мобильник в его руках, весть об этом сразу же облетит всю школу.

В мини-маркете Симагин купил бутылку лимонада, шоколадный батончик и большую пачку чипсов. На пиво денег не осталось, но он не особо переживал, голова была занята другим. Конечно, никто не отменял возможность оставить мобильник у себя, но в этом случае придется спрятать его как можно дальше от посторонних глаз и никогда никуда не брать с собой. А какой смысл в дорогом, навороченном телефоне, если тебе нельзя им пользоваться?

Был еще вариант – продать его кому-нибудь, но Симагин хоть и много слышал о разных барыгах, скупающих краденое, сам не знал ни одного и не имел ни малейшего представления, как выйти на такого человека.

Однако эти проблемы можно было решить после. Сейчас у него имелось все, что нужно для счастья: жвачка и плоская пластмассовая коробочка, полная развлечений. Лешка свернул в парк, добрался до первой засыпанной палыми листьями скамейки, взгромоздился на нее, усевшись, как и полагалось, на верхний край спинки, а ноги поставив на исцарапанное сиденье.

Здесь он надел наушники, открыл пакет с чипсами и принялся рыться в папке «Музыка». По большей части – альтернативный метал, сплошные пидоры в юбках, с тоннелями в ушах и

крашеными волосами. Сам Симагин не имел особенных музыкальных предпочтений, слушал то же, что и окружающие – чаще всего шансон. Но ему самому все-таки больше нравился рэп, нормальная пацанская музыка, про тачки, разборки и бизнес. Сейчас он пролистывал список в поисках знакомых имен или названий. Иногда пацаны держали на своих мобилах несколько серьезных хип-хоп-треков, но тут, видимо, был не тот случай.

В самом конце Лешка увидел папку, от названия которой в животе вдруг похолодело. «Чертовы пальцы». Ничего особенного в этих словах, конечно, не было. Слова как слова. Скорее всего, это просто новая группа.

Симагин открыл папку и включил вторую песню из семи безымянных. Уши наполнились жужжанием электрогитар, через несколько мгновений к ним присоединился глухой, тяжелый пульс ударных. Похоже, метал: слишком много шума, слишком много лишней херни «ни о чем», не то что в хип-хопе, где все четко по делу.

Но других вариантов не было, да и, честно признаться, музыка сразу ему понравилась. Она удивительным образом сочеталась с окружающей действительностью. Гитары выводили плавную, грустную мелодию, пусть поданную в виде жесткого перегруженного рева, прекрасно подходящую к пустому парку, стремительно проваливающемуся в осенние сумерки, к усыпанным листьями тропинкам, покосившимся облезлым скамейкам, голым ветвям и редким тусклым фонарям. Тьма скапливалась между стволами деревьев, расплзалась по черному асфальту, сочилась с мокрого серого неба, а то, что звучало сейчас в наушниках Симагина, являлось прекрасным саундтреком к ее наступлению.

Потом вступил еще один инструмент – Лешка не сумел бы сказать какой, но явно нечто вроде дудки, – и музыка поглотила мальчишку целиком. Он ни о чем не мог думать, не мог пошевелиться, застыл на вершине скамейки, наслаждаясь мелодией, чуть покачивая головой в такт неспешному, размеренному ритму. Рисунок слегка изменился, гитары больше не рисовали в воображении осенний вечер, теперь они несли Лешку прочь, далеко от парка, далеко от школы, от вечно бухого отца, от забитой, молчаливой матери.

Давным-давно – он был еще совсем маленьким – его возили на лето в деревню к бабушке. Она умерла, когда Лешка учился во втором классе, и с тех пор он почти забыл о ней, но сейчас вдруг вспомнил. Живо, ярко вспыхнул в сознании бабушкин образ, представился ее домик на окраине деревни, бесконечные, залитые туманом поля, тянущиеся во все стороны, насколько хватало глаз. Он будто бы снова брел по ним, чувствуя, как касается коленок влажная трава, как наполняет небо далекий птичий крик. Плеснулась в горле тоска, Лешка скрипнул зубами, пытаясь удержаться, но слезы все равно заструились по щекам.

Песня кончилась, почти без перерыва началась следующая. Она оказалась гораздо более агрессивной: сыпались сплошным потоком барабанные дробы, а гитары уже не пели, но рычали, злобно и напористо. Кроме того, вскоре появился вокал, хриплый, яростный, полный ненависти, похожий на собачий лай. Не выдержав, Симагин, не привычный к такой экстремальной экспрессии, снял наушники.

Вокруг было темно. Он заслушался и не заметил, как сумерки превратились в ночь. Рядом на скамейке лежал пустой пакет из-под чипсов, а в бутылке напитка осталось всего на пару глотков. Вот, блин, сколько же длилась эта песня?!

Лешка посмотрел на экран мобильного. 20:12. Не может быть! Ему казалось, что он провёл здесь всего несколько минут, а на самом деле прошло уже больше четырех часов. Никогда раньше с ним не случалось ничего подобного. Яростно матерясь, Лешка вытащил из кармана свой собственный сотовый. Те же цифры. Почти четверть девятого. Он снова ругнулся и, прыгнув с лавки, решительно зашагал по дорожке в сторону ворот. Из всех фонарей, стоявших вдоль тропинки, горели лишь два, но ему это особенно не мешало.

Пройдя около половины пути до бетонных фигурных столбов, служащих воротами парка, Симагин понял, что забыл выключить музыку – она так и шумела в болтающихся вокруг шеи

наушниках. Он остановился, чуть наклонился, чтобы в свете ближайшего фонаря рассмотреть экран мобильного, но тут краем глаза заметил какое-то смазанное, едва уловимое движение впереди. Он резко поднял голову. На самом краю желтого круга под фонарем стояла высокая черная фигура. Мгновением позже она скользнула во мрак и растворилась в нем совершенно бесшумно, не оставив после себя ни шороха листвы под ногами, ни шелеста одежды.

– Эй! – сказал Симагин, чувствуя, как растет ледяной комок в солнечном сплетении. – Эй, ты! Я тебя видел!

Ответом ему была тишина, только казалось, будто музыка все еще звучит где-то рядом, едва слышно пульсирует жестким, напряженным ритмом. Парк вокруг замер, затаился, укрывшись темнотой, спрятав под ней свои тайны и секреты. Может, показалось? Качнулась какая-нибудь ветка, вот и получилась странная тень, похожая на человека.

Симагин осторожно продолжил свой путь. Глупое сердце тяжело трепыхалось в груди. До ворот оставалось всего ничего, в обычной ситуации он преодолел бы это расстояние меньше чем за минуту, но сейчас каждый шаг давался с трудом и длился, казалось, чертовски долго. Дыхание стало слишком громким, кровь стучала в ушах, заглушая все внешние звуки, глаза напряженно таращились в окружающую темноту, вновь и вновь возвращаясь к конусу тусклого света под фонарем.

Он уже почти добрался до его границы, когда внезапно увидел их – словно бы пелена спала с его взгляда, ведь они не двигались, просто стояли во мраке, совсем рядом, поджидая его. Не дышали и не издавали ни звука. Их было четверо или пятеро. Мальчик успел разглядеть лишь бледные вытянутые лица, пустые, без глаз и ртов, но увитые черными, расползающимися трещинами.

Ближайшее из существ нагнулось, протянув правую руку к Лешке. Тот с воплем отпрянул от белых пальцев, бросился бежать прочь по тропинке в глубь парка, не раздумывая над направлением. Неважно куда, главное – не споткнуться, не упасть, не дать им настигнуть себя.

Мимо мелькали кусты, подошвы скользили в слипшейся листве, в редких лужах сверкали отражения фонарей. Симагин не знал, преследовали его или нет, он не слышал ничего, кроме собственного топота, а обернуться боялся. Мыслей почти не было, все вытеснил страх, густой, как наступающая ночь, черный, как трещины вместо лиц. Даже кричать Лешке не хватало сил, он лишь хватал ртом воздух и надеялся не упасть.

Вот тропа под ногами оборвалась – он вылетел на обширную круглую площадку, которой никогда раньше не видел в этом парке. Стояли полукругом фонари, но только один из них едва горел, кое-как освещая грязный ковер из мертвых листьев. Лешка рванул было через площадку напрямик, но тут вдруг палая листва расступилась, выпуская ему навстречу тощие руки, и он отшатнулся, замер, не в силах поверить своим глазам.

Из глубины поднималась его бабушка. В том самом зеленом платье, в котором ее похоронили. Седые волосы до земли. Кожа цвета пыли, покрытая темными пятнами. Нижняя челюсть подвязана темной тряпицей. Бабушка тянула к нему руки, а он, сжав зубы, смотрел, как осыпаются с нее гнилые листья, как она приближается, замороженно следил за резкими, дергаными движениями, похожими на содрогания оторванных паучьих лапок.

Потом, опомнившись, Симагин обернулся – безликие стояли позади, всего в нескольких метрах, полностью перекрывая ему все возможные пути спасения. Равнодушные, неподвижные. Наблюдали. Затем и загнали его сюда.

Лешка заплакал. Неожиданно для самого себя. Зарыдал в голос от всего сразу: от отчаяния, от ужаса, от одиночества. Здесь, в этом уродливом, темном, почти не настоящем месте, можно было не опасаться, что кто-то из корешей увидит и засмеется. Он упал на асфальт, завыл, судорожно всхлипывая и размазывая слезы с грязью по лицу мокрыми ладонями. То, что когда-то умерло его бабушкой, сейчас делало шаг за шагом, остервенело царапая отросшими желтыми ногтями повязку под подбородком.

Может, она хотела говорить?

– Бабуля! – крикнул Лешка сквозь слезы. – Бабуля, это я!

Она уже нависала над ним, перекошенная, нелепая, кривая, словно высохшее дерево, словно сгнившая виселица. С влажным треском поддалась ткань повязки, и нижняя челюсть обвисла, разрывая кожу щек. Из ставшего невероятно огромным черного беззубого рта посыпалась земля. Бабушка наклонилась, а Леша Симагин, закрыв глаза руками, продолжал повторять:

– Бабуль, это же я, это же я, я... – но когда сморщенные ледяные губы коснулись его, сорвался на визг. А те, у кого больше не было ни лиц, ни имен, стояли вокруг и смотрели, как она пожирает его. Ждали своей очереди.

9

Лицедей видел сон, уродливый, жуткий сон, сплетенный из нескольких ярких полотен. Он был на каждом из них. Одновременно. Параллельно. Реальности перетекали одна в другую, сливались, расходились, наполнялись болью. В одной из них он стоял на темной улице перед массивным казенным зданием. Удушливым желтым светом горели фонари и некоторые окна, но их сил не хватало, чтобы хоть немного разогнать плотный, тяжелый мрак. Однако надпись на стене ему было прекрасно видно. Теперь она стала больше, значительно больше, чем в последнюю их встречу, и все росла. Корявые, мертвые, словно высохшие ветви, едва читаемые буквы расползались по серой стене волнами беспрерывно шевелящихся линий-щупалец. Все, что попадалось им на пути, они наполняли тьмой – окна, трещины, выбоины.

Лицедей с ужасом увидел, как те немногие окна, в которых горел свет, тут же гасли, стоило этой гадости проникнуть внутрь. Что происходило с теми, кто находился внутри, он не знал. И не хотел знать. Но его, разумеется, не спрашивали.

В одном из погасших окон на четвертом этаже появилась смутно различимая фигура. Судя по широким плечам и шляпе – мужчина. Лицо на таком расстоянии рассмотреть было невозможно, оно казалось сплошным белым пятном.

– Эй – крикнул Лицедей. – Что там у вас?!

Фигура резко нагнулась вперед, переваливаясь через подоконник. Шляпа сорвалась с головы и полетела вниз. Но, вместо того чтобы в соответствии со всеми законами физики последовать за ней, ее владелец уперся ладонями в стену, резко вытянул наружу ноги и пополз вниз по стене, словно огромная ящерица. Лицедея чуть не стошнило от этого зрелища – настолько нечеловеческими были движения существа на стене, настолько противоестественно выглядели они, производимые телом обычного мужчины в деловом костюме. Следом из окна выкарабкалась еще одна похожая тварь, массивней первой, в потрепанном домашнем халате. Эта полезла по стене вверх, в сторону крыши.

В то же самое время – не то видение, не то воспоминание. Покосившийся серый забор, наполовину утонувший в зарослях крапивы. Деревянный столб, для устойчивости привязанный к бетонной свае. На нем – криво приклеенная афиша. Явно самодельная – обычный альбомный листок с неровно напечатанным объявлением: «ЧЕРТОВЫ ПАЛЬЦЫ». Дата и время. И адрес. Он коснулся пальцами запыленной бумаги. Как же давно это было.

Охваченные огнем коридоры, мечущиеся тени, крики, тошнотворный смрад горячей плоти. Выложенный кафелем пол под ногами, в руках – защитные обереги. Далекий хохот, различимый даже сквозь треск ломающихся перекрытий. Топор, бьющийся у стены в конвульсиях, зажимающий ладонями разорванное горло. Пять обнаженных тел извиваются в дикой, чудовищной пляске среди кровавых луж и перевернутых инвалидных кресел. Вскинутые тощие руки, кривые багровые пятна на белой коже. Сила льется сплошным, непрекращающимся потоком, от ее избытка рябит в глазах, перехватывает дыхание. Еще атака. Корень падает, катается по полу, визжит от боли. Его кости выбираются наружу сквозь мышцы и кожу. Каждая по отдельности. Не смотреть! Вперед! Пламя! Сплошная стена пламени...

Но вот он уже был в тамбуре, и вокруг висел в воздухе синий сигаретный дым. Мелькала за окном чернота, а среди окурков в углу лежал, свернувшись калачиком, пьяный старик.

Толкнув дверь, Лицедей вошел в вагон – и хотя народа было много, сразу увидел Клим Грачева, старшего из братьев. Единственное свободное место находилось рядом с ним. Удивляясь своему равнодушию, Лицедей сел и спросил, сам не понимая зачем:

– Как ты?

Грачев пожал плечами:

– Ничего особенного. Привыкнуть можно ко всему.

– Ты мертв?

Он невесело усмехнулся:

– А сам как считаешь? Или так не похоже? Показать шов от вскрытия?

– Нет, не нужно, я верю.

Клим несколько минут молчал, а потом вдруг засмеялся.

– Ты чего? – удивился Лицедей.

– Говоришь, веришь? Да ни хрена ты не веришь! Так ведь?

Грачев широко улыбнулся, на мгновение показалось, что его зубы стали гораздо острее, чем им положено быть.

– Все дело в оси координат, – сказал он.

– Не понял.

– Смерть – это точка ноль.

– Ноль?

– Ноль – это ноль, иначе не скажешь. Начало и конец отсчета. Ни смысла, ни потенциала, ни красоты, ни зла. Там сходятся все плюсы и минусы, все единицы исчисления. Ничего, совсем ни хрена – там даже пустоты нет. А мы там!

– Кто? Вы с братьями?

– Мы там! Почему-то мы не миновали ее, как все, почему-то застыли точно посередине графика, – бормотал Грачев, отвернувшись к окну. – Это аномалия, отклонение от нормы, какая-то патология в существовании. Мы ждем, ты же знаешь. Мы стремимся к своей цели, мы готовим кое-что. Мы ничего не забыли.

– Пожалуйста... – начал Лицедей.

Клим повернулся к нему. Из глаз его текла кровь. Лицедей было отпрянул, но сумел вовремя взять себя в руки. Мертвый враг не собирался причинять ему вреда. Он просто смотрел на него истекающими кровью глазами и улыбался жуткой волчьей улыбкой.

– Запомни главное, – прошептал Клим и огляделся, словно опасаясь, что кто-то из пассажиров может их подслушать. – Мы там по своей воле.

– Что вас удерживает?

– Книга! Гримуар – это шифр, это наш ключ. Слово всегда служило средством связи между мирами. Словом мертвые общаются с живыми. Пока еще не поздно, пока еще есть время.

Клим замолчал, вновь отвернулся к окну.

– Думаю, тебе нужно уйти, – сказал он через некоторое время, все так же глядя в темноту за стеклом.

– Почему?

– Ну, билета у тебя нет, а сюда идет контролер. Лучше ему не попадайся.

Лицедей выглянул в проход. От дверей тамбура медленно двигался тот самый старик, который раньше лежал там спящим. Только теперь он почти задевал головой потолок вагона. Длинные, спичечно-тонкие руки опирались на края сидений, спутанная седая борода свисала до пола.

– Как мне отсюда выбраться? – спросил Лицедей Грачева.

Тот развел руками:

– Как обычно выбирают из поезда? Через двери.

Лицедей поднялся. Старик тут же уставился на него и, забормотав что-то невнятное своим беззубым ртом, ускорил шаг.

– Извините, – сказал ему Лицедей и побежал по проходу. Старик рванулся следом. Он не кричал, не ругался, только шамкал что-то. Его тощие морщинистые руки замелькали в воздухе, задевая за стены и потолок, – казалось, они могут изгибаться как угодно. Холодные пальцы впились беглецу в плечо, но он вырвался, выбежал в тамбур.

Здесь вился ледяной ночной ветер – обе двери были открыты. Лицедей, не раздумывая, прыгнул в правую – и краем глаза еще успел увидеть, как из вагона в тамбур вваливается лавина тонких извивающихся рук.

Но там, снаружи, в темноте, не оказалось ничего, на что можно было бы приземлиться. Ни земли, ни усыпанного гравием склона – никакой опоры. Нечто подобное иногда снилось ему в детстве: ты прыгаешь куда-то, но неожиданно понимаешь, что под тобой разверзается бездна, и падаешь, падаешь, мучимый ужасом, сжимающим острыми когтями твое дыхание.

И одновременно с этим падением, уместившимся в вечности мгновения, другое воспоминание, пронзительно-обжигающее. Вино. Кажется, все вокруг танцует, кружится в сумасшедшем водовороте. А он в самом центре этого водоворота пьет вино прямо из бутылки, запрокинув голову, – большими, быстрыми глотками. Оно терпкое и приятное на вкус. Опустевшая бутылка падает на пол, разлетается множеством мелких осколков. Лицедей смеется и поворачивается к барной стойке. Теперь за ней – демон, беспрерывно скалящий в улыбке множество острых зубов. Он кидает ему новую бутылку, рука с легкостью ловит ее. Легкость – вот ключевое слово. Ни памяти, ни надежд, ни вчера, ни завтра. Пустота. Небытие. Одна-единственная ночь, и одна-единственная бутылка из зеленого стекла, наполненная кроваво-красным нектаром безумия.

Но все же он по-прежнему был там, на пустой улице, перед домом, весь фасад которого занимала теперь отвратительная надпись, а из окон выползали твари, бывшие некогда людьми, – в костюмах, майках, халатах, некоторые совсем без одежды. Белые тела словно бы светились в темноте, а от того, насколько беззвучно они двигались, к горлу подступала тошнота. Лицедей не мог оторваться от этого уродливого зрелища, хотя прекрасно понимал: рано или поздно кто-нибудь из них заметит его, и тогда придется снова убегать, потому что луна стала слишком уж яркой.

10

Идти в школу не хотелось катастрофически. Но после вчерашней трепки, которую мать задала ему за перепачканные джинсы, порванную куртку и потерянный мобильник, оставаться дома хотелось еще меньше. Вадик брел по сырому тротуару, размышляя о том, что нужно все менять. Кардинально, как говорят в новостях. Именно так. Не терпеть, не подстраиваться, не стараться угодить всем вокруг, нет – кардинально менять. Как именно это сделать, он не представлял. Почему-то вертелась в голове мысль об американских школьниках, устраивающих стрельбу в своих школах, – об этом тоже говорили по телевизору. Но ведь у него не было оружия. И у отца не было, если не считать тяжелого ремня, которым он время от времени грозил своему неправильному сыну. Прийти в школу с ремнем, устроить массовую порку? Вадик улыбнулся. Ему представились репортажи новостей, растерянный корреспондент, торопливо рассказывающий в микрофон о случившемся, и ползущий внизу экрана текст: «САМАЯ УЖАСНАЯ ПОРКА ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ШКОЛЫ». Получилось бы неплохо.

Нужно уезжать, вдруг решил он. Мысль эта, взявшись словно бы ниоткуда, призывно засверкала миллионом ярких огней. Сбежать из дома. Только этим способом можно избавиться от опостылевших школы и семьи одним махом. Уехать в Москву, к двоюродному брату Семену. Само собой, его быстро найдут, но хотя бы какое-то время он будет свободен. Вадик, все еще улыбаясь, представил себе, как мечется по квартире, не находя себе места, мать, как жалеет о всех тех выволочках, которые устраивала ему. Представил отца, тоже беспокойно шагающего из угла в угол. Ремень проклят, выброшен в мусорное ведро. Но поздно, слишком поздно!

Учителя в классе рассказывают о том, как ведутся поиски без вести пропавшего ученика, а сами сокрушаются, что довели беднягу своим отношением к нему. Симагина вызывают к директору и, выяснив все подробности драки, ставят – обязательно – на учет в милицию. Симагин рыдает в голос, умоляет простить его, но это бесполезно. Никто даже не смотрит на него, все думают совсем о другом мальчике.

От сладостных мечтаний Вадика отвлек окрик:

– Э, погоди! Остановись!

Сжав кулаки и приготовившись отбиваться, Вадик резко обернулся. Но это оказался всего лишь Денис Лопатин. Мальчики пошли рядом, не говоря ни слова. Наконец Денис, переведя дух, пробормотал:

– Почти от самого универмага тебя догоняю, ну ты быстрый.

Вадик только хмыкнул в ответ.

Денис покачал головой:

– Не парься. Просто не надо было с ними связываться. Сам знаешь, эти уроды по-честному не могут.

Вадик молчал. Губы его предательски дрожали.

– Да ладно тебе! – не унимался попутчик. – С кем не бывает! Ну, что ты? Меня вон в прошлом году весной тоже измудохали, ничего, живой, здоровый.

Вадик наконец нашел в себе силы задать тот единственный вопрос, который мучил его уже целые сутки. Он сдержал рвущиеся на свободу слезы, но с дрожью в голосе справиться не сумел:

– Почему ты не пришел?

Денис тяжело вздохнул:

– Меня задержали, не получилось.

– Где задержали?

– Да класнуха нас всех после уроков оставила. Я тебе пытался дозвониться, а ты трубку не брал!

– Я мобильник посеял.

– Ну, значит, надо было тогда меня дождаться.

Вадик пожал плечами:

– Они бы сказали, что я ссыкун.

– Да ну хрен бы с ними! Можно подумать, они сами не ссыкуны, втроем на одного!

– Если бы я не пришел или стал ждать тебя, не было бы никаких «втроем на одного».

Они ведь тоже не собирались долго там торчать. Просто сказали бы, что я трус, и все. Лучше уж по морде пару раз получить.

Денис тяжело вздохнул. С этим аргументом спорить он не мог.

– Ладно, не грузись. Бывает и хуже, но реже.

– Сильно реже.

– Что собираешься теперь делать?

– Забью еще одну стрелку.

– Он откажется. Точно говорю. Отбрешется как-нибудь.

– Тогда я про... – Вадик сжал зубы и часто заморгал. Справившись с подступившими слезами, он попробовал снова: – Тогда я просто дам этому козлу в зубы прямо в коридоре. Посмотрим, что будет.

Денис вздохнул:

– Да ничего особенного не будет. Он тебе тоже даст, вы начнете махать, а потом какой-нибудь учитель вас растащит. Если попадется добрый, то просто облает, а если злой, то ответит к директору. И все, тогда полный капец. Родителей вызовут.

– Хрен с ними, пусть вызывают, – Вадик махнул рукой. – Я ни в чем не виноват.

– А это никого не волнует. Взрослым насрать, кто виноват. Их волнует только твой разбитый нос.

Вадик ничего не ответил. Он думал о своей матери, которую вчера совсем не интересовали ни его нос, ни распухшая скула, ни разбитая губа. Джинсы, куртка и телефон – вот от чего она пришла в ярость, вот от чего она действительно разволновалась. Пожалуй, стоит все-таки начать еще одну драку. Просто посмотреть на ее реакцию. Просто убедиться, что ей сраный мобильник важнее сына.

Они миновали старый парк и, перейдя через перекресток, вышли на финишную прямую: впереди оставались два ряда гаражей, за которыми уже возвышалось серое здание школы, окруженное тополями. Со всех сторон к нему стекались дети, поодиночке и группами, некоторых первоклассников вели за руки мамы, выглядевшие одинаково грустными и усталыми. До первого звонка оставалось чуть больше десяти минут.

Вадик, которому боль в разбитой губе не давала даже на несколько секунд отвлечься от мыслей о вчерашних неприятностях, продолжал размышлять о побеге. Эта идея нравилась ему все больше и больше. Здесь ему нечего делать, это точно. Нечего ловить. Дальше станет только хуже. Потому что все время становится хуже. Так уж складывается жизнь. Ты или принимаешь важные решения, а потом следуешь им, или остаешься плыть по течению, а оно разбивает тебя о камни.

Мальчишки поднялись по ступеням крыльца, вошли в вестибюль, нырнули в ежедневный водоворот голосов, смеха, плача, топота, тесноты. К тому времени, как им удалось, прокладывая себе путь сквозь столпившихся третьеклассников, добраться до дверей раздевалки, тысячи проблем и новостей обрушились на них. Один пацан попался, когда подглядывал за девчонками в раздевалке через дырку в стене. Математичка неожиданно-негаданно дала контрольный тест в параллельном классе. С четырьмя вариантами! Физрук обещал, что до конца этой недели все сдадут норматив по бегу. Леша Симагин сбежал из дома.

– Что? – встрепенулся Вадик и повернулся к толстяку из параллельного, который уже начал рассказывать о том, как вчера его брат притащил в школу целую пачку порножурналов.

– Целую пачку! – радостно повторил толстяк. – Десять штук.

– Нет, про Симагина.

– А. Он пропал куда-то. Домой не пришел ночевать. Говорят, сбежал от папаши. Вон, на доске объявление висит рядом с расписанием. Всех, кто что-то знает, просят немедленно подойти в учительскую. А тебе-то какая разница?

– Да просто так, забей, – отмахнулся Вадик и, отвернувшись от толстяка, процедил: – Опредил, сука.

11

Примерно в это же время Молот добрался до главного входа в парк. Со вчерашнего вечера он дежурил у подъезда Татьяны Кирше, потому что Лицедей решил, что ей может угрожать опасность. Ночью к подъезду подошел тощий, изрядно пьяный парень в джинсовой куртке и с бутылкой пива в руке – тот самый, которого они видели в воскресенье на лесной поляне. Пришел выяснять отношения или что-то забирать. Молот его не пустил.

– Ты что за хрен с горы? – спрашивал парень. – Ты чего здесь нарисовался?

Молот не знал, как ответить на этот вопрос, а потому хранил молчание.

– Ты в наши дела не лезь, слышь, – говорил парень. – Ты отвали давай с дороги.

Молот не отвалил.

– Ты не местный, штоль?

– Не местный.

– Откуда приехал?

– Издалека.

– Зовут ты как, друг?

– Молот.

– Чо?

– Молот. Инструмент такой.

– Епт... как зовут ты, спрашиваю? Насрать на инструменты!

В наглых голубых глазах было видно многое. Отцовскую «девятку» с тонированными стеклами, крохотную квартирку неподалеку, мечты о футболе, похороненные ленью и никчемным образом жизни. И еще скользкую, холодную ненависть к Тане – за то, что посмела избавиться от него.

Молот сказал:

– Херак.

Бутылка в руке лопнула. Пиво пролилось на асфальт, брызнуло обоим на ботинки. Через секунду парень завизжал. Глядя на свою иссеченную ладонь, он вопил от боли, словно ему отсекали конечность по локоть, а не порезали битым стеклом. Молоту пришлось отвесить слабаку пощечину, чтобы тот заткнулся.

– Заживет, – сказал Молот. – Пшел вон.

Парень убежал и больше не появлялся. Под утро позвонил Лицедей, сообщил, что опасность миновала, а Серп ждет его возле парка через пару часов. С тех пор Молот слонялся по городу, прислушивался к разговорам, высматривал намеки, разыскивал подсказки. Он узнал, что Мария Семеновна из дома номер двенадцать по улице Лесной полтора года назад зарезала своего пьяного мужа, но благополучно свалила все на соседа, с которым тот выпивал. Узнал, каким именно образом Серега Макаров, студент второго курса техникума, собирается писать шпоры к предстоящему экзамену. Узнал, где и в каких количествах выращивает травку Николай Г., двадцати пяти лет, неработающий. И еще много-много подобного, а вот насчет их дела – ничего.

Молот встал под крышу остановки возле парка, принялся разглядывать объявления, покрывающие рифленые стены почти сплошным ковром. «КУПЛЮ-ПРОДАМ-СНИМУ-СДАМ», «УШЕЛ-ИЗ-ДОМА-И-НЕ-ВЕРНУЛСЯ», «ПРОПАЛ-КОТ-НАШЛАСЬ-СОБАКА», «ПОДЕРЖАННЫЙ-В-ОТЛИЧНОМ-СОСТОЯНИИ». Все, как обычно. Ничего нового. В каждом городе (а он повидал их много) объявления всегда одинаковы. Одни и те же названия улиц, одни и те же марки машин, одни и те же породы животных. Даже пропавшие люди похожи друг на друга. Чем-то неуловимым.

– Доброе, – пробормотал сзади подошедший Серп – Доброе, – согласился Молот.

– Я слышал, ты ночью слегка перегнул палку?

– Не удержался. Но ничего страшного. Будет рассказывать, как их было трое на него одного, и все с ножами.

– Наверняка. Пошли взглянешь.

Серп повел соратника прочь от дороги, мимо универмага и большого продуктового, к входу в парк. По пути рассказывал:

– Наткнулся случайно. Просто шел, осматривался, как говорится, примус починял. И вдруг, вот на этом самом месте – учуял. В смысле не носом, а...

– Чем? Неужели?

– Иди ты. Просто мелькнула картинка перед глазами, а затем – будто воспоминания. Только старые уже, наполовину стертые. Не мои. Было с тобой такое когда-нибудь?

– Нет, – вздохнул Молот. – Господь миловал.

– Вот и со мной в первый раз. Нахлынуло, отпустило почти сразу. Я завертелся, думаю, в какую сторону идти. Старшой предупреждал ведь о подобном: рядом с тем местом, где недавно они себя проявили, могут появляться видения. Ну, сюда сунулся, туда сунулся, а вот тут, на тропинке, которая к воротам парка ведет, меня приложило. Тревожно стало очень, аж в левом боку закололо. И чем ближе к воротам, тем хуже. Давай за мной.

Они вошли в парк, бесцветный, пустой, миновали несколько скамеек и переполненных урн, потом свернули, оказавшись на детской площадке.

– Тут, – уверенно заявил Серп. – Тут они убили его.

– Кого?

– Не чувствуешь? Неужели не чувствуешь?

– Нет.

– Господи, я ведь даже не знаю, как объяснить. Короче... Здесь, вот прямо где ты сейчас стоишь, Чертовы пальцы сожрали мальчишку.

Молот сделал пару шагов в сторону:

– Какого мальчишку?

– Лешу Симагина. Двенадцати лет.

– Откуда такие подробности?

– Вон там, – сказал Серп, махнув рукой за спину, – находится школа. Номер три. В вестибюле висит объявление о том, что Леша Симагин ушел из дома и не вернулся.

Молот присел на корточки, коснулся пальцами ярко-желтых листьев, покрывавших землю сплошным ковром. Холодная, сырая, мягкая масса. Вокруг скамейки и фонари. Качели. Старая, проржавевшая, но еще работающая карусель. Ничего. Ни единого намека на произошедшее, ни малейшего следа. А ведь ужаса, свидетелями которого стали скамейки и качели, должно с избытком хватить на целый пионерский отряд. С людьми получается, с людьми просто, а с предметами – никак. Видимо, он все-таки не годится для этой работы.

Тяжело вздохнув, Молот поднялся, помотал головой.

– Ты мне веришь? – спросил Серп.

– Да. Почему я не должен тебе верить?

– Хорошо. Мальчишку они напугали до смерти, а потом утащили тело.

– Они были одни?

– В смысле?

– Без хозяина?

– Судя по всему, без. Его присутствия я не почувствовал.

– Он выпускает их гулять самих по себе, – пробормотал Молот. – Как же далеко все зашло!

– Чертовски верно, – согласился Серп. – Дело дрянь. Дальше будет только хуже. Они становятся все сильнее. Однажды, уже совсем скоро, им удастся освободиться от власти хозяина. А тогда абзац.

– Абзац, – согласился Молот. – Тогда нам с ними не справиться. Даже не выследить.

Он ковырнул носком ковер из палой листвы, открыл рот, чтобы выругаться, но...

– Погоди-ка.

– Что такое?

Молот нагнулся, поднял с земли темный предмет, освобожденный из-под листьев его ботинком.

– Мобильник? – зачем-то спросил Серп.

– Ну, – кивнул Молот. – Наверно, нашего мальчишки.

– Чей же еще!

– Можешь взглянуть?

Серп повертел телефон в пальцах, недобро прищурился:

– Вся грязная работа мне, да?

– Извини. Я с предметами не особенно в этом смысле контакту. Мог бы попытаться, но, боюсь, толку не будет.

– Ладно. Давай попробуем.

Серп отошел с тропинки, присел на одну из более-менее чистых скамеек. С минуту подержал сотовый на ладони, внимательно разглядывая его, потом мягко коснулся пальцами корпуса.

– Телефончик-то недешевый.

– Детям все самое лучшее.

– М-да.

Серп накрыл мобильник второй ладонью, зажмурился. Почти сразу нахмурился, глаза забегали под веками.

– Черт, – пробормотал он. – Жестко.

Молот огляделся. В парке было пусто, только вдалеке на одной из дорожек неспешно прогуливалась молодая мамаша с ярко-оранжевой коляской.

– Что? – шепотом спросил он.

Серп открыл глаза, снова стал пристально рассматривать сотовый. Потом надавил на одну из клавиш, экран с готовностью ожил. Серп принялся рыться в содержимом, открывая папку за папкой, с особой тщательностью изучил раздел «Аудио».

– Ничего, – в конце концов сказал он и протянул мобильник Молоту. – Придержи у себя пока. Может, пригодится.

– Хоть какая-нибудь информация?

– Это не телефон Симагина. Он украл его. Пацан был очень крепким орешком, им пришлось влезать в его голову с помощью музыки. Еще они подключили воспоминания, обратили их против жертвы, обеспечили полную неспособность сопротивляться. Как паук, который муху сначала обездвигит, отравит, а только потом выпивает уже разложившуюся. Охренительно тонкая и сложная работа. Мастерски выполнена.

– Мы и так знали, что это крутые ребята.

– Ну не настолько же.

– Ладно, – Молот положил телефон в карман плаща. – Куда теперь?

– Понятия не имею. Надо бы чуть передохнуть, отдышаться. Где-нибудь... не здесь. Не попадались тебе кафешки или пивные тут неподалеку?

– Попадались.

– Отлично. Веди.

12

Таня давно ничего не рисовала. Она возвращалась в свою квартирку измотанной и раздраженной, ужинала, звонила матери, которая, благодарение всем богам, уже семь лет жила в соседнем городке вместе со своей сестрой, а затем просто валилась в кресло, включала компьютер и тонула в трясине Интернета до тех пор, пока глаза не начинали закрываться. Последний раз она подходила к мольберту пару недель назад, постояла рядом с полчаса, глядя на чистую, гладкую поверхность холста, потом вздохнула и спустилась в магазин купить себе кетчупа. Не было ни мыслей, ни идей, ни образов.

Когда ты с восьми утра до обеда возишься с кучей детей, пытаешься перекричать их, а после обеда до вечера делаешь то же самое, только в индивидуальном порядке, катаясь по городу от одного репетируемого к другому, твое сознание блекнет. Ты растворяешься в пестром гомоне школьных коридоров, в мельтешении деревьев и фонарных столбов по обеим сторонам дороги, в желтом казенном линолеуме под ногами, в тысячах и тысячах слов, которые не нужны ни тебе, ни собеседникам.

Теперь вдруг появился образ. Четкий, яркий, многообещающий. Пропавший Леша Симагин в пустом школьном коридоре. Слева – двери, справа – окна, за которыми наливаются густой синевой вечер. Тускло светят лампы, тишина звенит призрачными голосами, смехом, раздававшимися здесь утром. Школа замирает, застывает, погружается в сон, и кто знает, может быть, этот не по годам высокий мальчишка, вжимающий голову в плечи, – ее сновидение?

Ее теперь уже бывший молодой человек незадолго до расставания подарил Тане блокнот для рисования, но с тех пор она так ни разу им и не воспользовалась. Берегла для чего-то. А вчера вечером достала блокнот из ящика стола, заточила пару карандашей, сварила себе кофе и принялась за работу. Симагин, как в жизни, оказался своенравным, капризным, придурковатым малым, никак не хотел показываться на листе в своем истинном обличье. Таня рисовала, стирала, рисовала вновь, и шуршание карандаша по бумаге впервые за долгое время успокаивало ее, скрывало за темной драпировкой горечь бессмысленных будней. Наполнялась смятыми листами корзина для бумаг, поскрипывала точилка для карандашей, и отражение Тани в черноте оконного стекла оставалось практически неподвижным до самого утра. Она поднялась из-за стола всего за пару часов до того, как должен был прозвенеть будильник, провозглашающий начало очередного рабочего дня.

Блокнот Таня взяла с собой в школу и хваталась за карандаш в любую свободную минуту, на переменах или во время уроков. Она сделала уже одиннадцать набросков, но ни одним из них не осталась довольна. Работа продолжалась.

Сейчас ей предстояло провести урок во втором «А», замещая одного из учителей начальных классов. Когда Таня вошла, дети разом замолкли, встали, словно солдаты, вытянувшись по струнке. Ни один не замешкался, ни один не улыбнулся. На каждом лице – серьезное выражение, готовность к любой работе, любому наказанию. Хорошо выдрессированы, подумала Таня. А вслух сказала:

– Здравствуйте! Садитесь.

Они опустили на стулья практически бесшумно. Не было ни сопения, ни шороха, ни грохота, как в других классах.

Таня знала, что по расписанию у них сейчас должно быть чтение. Слушать, как эти зубрилки один за другим бубнят заданный на дом отрывок текста про зайцев или осенний лес, не хотелось.

– Так, – спросила она для проформы, – что у вас за урок?

– Чтение! – ответили все хором, почти в унисон.

– Отлично! Вот сейчас мы с вами и почитаем... Значит, открывайте учебник на странице... та-а-ак... так... э... м... вот, на тридцать второй.

Ни один из детей не пошевелился, кроме высокой для своего возраста девочки, сидевшей за первой партой, прямо перед учительским столом. Ее правая рука резко поднялась вверх.

– Да?

– Светлана Петровна задала нам на сегодня упражнения семь и восемь на странице номер двадцать девять.

– Светлана Петровна? – Таня задумалась над тем, куда бы стоило отправить Светлану Петровну, но справилась с собой. – Светлана Петровна задала, вот пусть она, когда вернется, у вас эти упражнения и спросит. А я вам говорю, откройте учебники на странице...

– Но...

– Никаких «но»! Сегодня я ваш учитель, меня надо слушаться. Еще раз попробуешь со мной спорить, отправишься за дверь! Понятно?

Девочка упрямо набычилась, но все-таки кивнула. Дети открыли учебники и углубились в чтение. Таня, вполне довольная собой, достала из сумочки блокнот. Ближайшие тридцать минут можно было без зазрения совести посвятить рисованию. Всплыла вдруг мысль о стремительно приближающемся окончании четверти, а за ней, следующим звеном в подводной цепи, – о незаполненных журналах, и радужное настроение немного посерело.

Неспешно ползла длинная стрелка по весело раскрашенному циферблату настенных часов. За окном висел желто-коричневый пейзаж, в котором за последние дни ощутимо прибавилось коричневого. Карандаш шуршал по бумаге, скупыми, короткими штрихами очерчивая фигуру мальчика. Почему-то сразу стало понятно – сейчас получится, это он, тот самый рисунок, к которому все шло, к которому стремилась она сквозь прошлый вечер, сквозь неудачные наброски и мучительный творческий зуд.

Завозился вдруг мобильник в кармане. Звонила бывшая одноклассница, подруга детства. Последний раз они виделись около полугода назад на свадьбе общего знакомого.

Таня встала, сказала грозно:

– Я сейчас, не шуметь! – и, выйдя в коридор, приложила трубку к уху.

– Да.

– Танюш, здравствуй!

– Привет.

– Как жизнь?

– Да ничего. Работа, все такое. Сама-то как?

– Точно так же. Слушай, мне тут пришла в голову мысль, что нам надо собираться чаще.

Согласна?

– Согласна, конечно.

– А для этого совсем необязательно нужен повод, так?

– Именно так.

– Ну и хорошо. Что ты думаешь насчет сегодняшнего вечера?

– Сегодня?

– Именно сегодня. Выходные – это банально, отдушина для слабаков. Соберем девчонок всех, посидим где-нибудь, выпьем немного, поболтаем. А то так давно уже вас, оторв, не видела.

Таня улыбнулась:

– Отличная мысль. На меня можешь рассчитывать, все равно никаких планов на вечер не было.

Тут она немного покривила душой. Планы у нее, конечно, были. Весь остаток дня она собиралась потратить на две вещи: сон и рисование. Но встреча со старыми подругами выглядела ничуть не хуже – пусть даже они явно затеяли все это ради того, чтобы поддержать ее

в трудную, как им казалось, минуту. Если хочешь отвлечься от школьной суеты, полностью забыть о детях, уроках, оценках – напейся в компании.

Продолжая улыбаться, Таня сунула телефон в карман и вернулась в класс. До конца урока оставалось семь минут, дети уже начали нервничать, не успевая справиться с заданием. Не хватало еще собирать у них рабочие тетради и проверять всю ту чушь, которую они там понаписали. Нет, уж лучше сыграть в неожиданно добрую тетю, простить им задолженность. Она опустила на стул в гораздо лучшем настроении, чем вставала с него полторы минуты назад. Даже пейзаж за окном уже не выглядел так уныло.

Но стоило взглянуть на раскрытый блокнот, как все мысли о предстоящих посиделках с подругами рассыпались бесцветным пеплом. Ее рисунок был испорчен. Кто-то успел изобразить вокруг мальчика, стоявшего спиной к зрителю, пять темных, неясных фигур. Размытые силуэты, без лиц или конечностей, нависали над Лешей Симагиным – это ведь был он, сбежавший, – чуть сгибаясь, будто пальцы огромной руки, на ладони которой стоял мальчик. В них скользило предчувствие угрозы, и смотреть на рисунок оказалось отчего-то неприятно. Талантливый, однако, паршивец попался. Сморщившись от отвращения, Таня захлопнула блокнот.

– Так, – она повысила голос, и потому поднявшиеся на нее глаза были полны тревоги. – Кто это нарисовал?

Молчание.

Вот тебе и преступление в закрытой комнате. Могли ли эти мелкие паршивцы отомстить ей за резкость? Могли. Запросто. У детских коллективов волчьи законы – ты их против шерсти погладил, они цапнули за руку. За хозяина ведь не считают еще. Держим себя в руках. Держим. Не хватало сорваться во втором классе. Доказать все равно ничего не получится, надежда только на чей-нибудь болтливый язык.

Но до самого звонка никто из детей так и не проговорился.

На перемене, вернувшись в учительскую, Таня снова открыла блокнот, несколько мгновений рассматривала последний рисунок, потом вырвала этот лист и отправила его в шредер. Деловитое жужжание, с которым машина сожрала уродливую пятерню, смыкавшуюся вокруг мальчика, немного успокоило. Когда подошел к концу пятый урок, Таня отнесла ключ от кабинета на вахту и отправилась в гардероб, стараясь по возможности избежать встречи с кем-либо из начальства. Это ей удалось. Одевшись, она достала мобильник из кармана джинсов, чтобы переложить его в куртку.

«Одно непрочитанное сообщение», – гласила надпись на дисплее телефона. Таня нажала «Просмотреть».

Сообщение оказалось совсем коротким:

«РИСУНОК БЫЛ НЕПЛОХ».

Холодный пот выступил у Тани на лбу. Она судорожно сглотнула. Внезапно предстоящие посиделки, подруги, приятная беседа – все это показалось невероятно далеким, незначительным. Она посмотрела на номер отправителя. Незнакомый.

Таня вышла на улицу, задумчиво покручивая мобильник в пальцах. Судя по сгустившимся тучам, вот-вот должен был начаться дождь. В конце концов любопытство возобладало над боязнью выставить себя на посмешище, и она, вновь открыв злое сообщение, нажала на кнопку «Перезвонить».

Пара длинных гудков, потом щелчок. Тишина.

Таня задержала дыхание. Сердце бешено билось в груди.

Еле слышное потрескивание, будто бы тот, кто взял трубку, сидел у костра.

– Алло, – сказала Таня. – Алло, вы меня слышите?

Еще мгновение тишины, и вдруг раздался спокойный, искаженный, но явно детский голос:

– Вывернуть наизнанку?

– Что?

– Вывернуть тебя наизнанку. Да. Наизнанку. Очень хорошо, садись, пять.

– погоди, – сказала Таня. – Прекрати это! Не смешно!

– Наизнанку, рисунки наизнанку, – голос продолжал выговаривать слова ровно, отчетливо, почти механически, только темп постепенно увеличивался. – Вывернуть. Вывернуть. Очень плохо, очень! Дааавай дневник, сука!

– Слушай, ты! – Таня сорвалась на крик. – Урод! Завязывай!

– А ты выверни наизнанку. Выверни, хорошо? Мать свою выверни наизнанку.

Она, шепотом матерясь, разорвала связь. С неба посыпались мелкие холодные капли. Подняв повыше воротник и застегнув куртку до самого горла, Таня пошла к остановке. По лужам и грязи, не глядя под ноги.

13

Вадим Королев изо всех сил старался не заснуть. В соседней комнате похрапывал отец, громко тикали старые настенные часы в коридоре. Изредка по улице проезжал, дребезжа, грузовик, и тогда стены заливал белый свет фар, расчерченный четкими черными тенями оконной рамы.

Он все спланировал и подготовил. Но никак не мог решиться. Если сейчас все-таки обратиться с духом и сделать, что задумано, то жизнь уже никогда не будет прежней. Приближающееся утро не принесет с собой обычного пробуждения, завтрака, занятий, прогулок с собакой. После обеда он не отправится к друзьям, не засядет с ними на весь вечер в компьютерном клубе. И осенние каникулы для него не наступят. Потому что, если все пройдет по плану, то уже к завтрашнему полудню Вадика Королева начнет разыскивать огромное количество людей, а он будет прятаться от них, путать следы, отсиживаться в укромном месте. Сам по себе. Сам за себя. Один против целого мира.

Да разве уже сейчас не то же самое? Разве сейчас он не одинок?! Ничего не изменится, кроме того, что завтра он будет свободен.

Если бы нашлась возможность как-то избежать побега, обойтись без него, Вадик бы, разумеется, использовал ее, остался дома и поплыл бы по течению в старом, заранее известном русле. Но сегодня на уроке литературы последняя соломинка сломала спину верблюда. Так высказалась учительница, с торжествующим видом сообщая ему, что не собирается аттестовывать его за первую четверть. Принципиально. Глаза ее победно сверкали, будто она в тяжелой схватке одолела свирепого льва, а не втоптала в грязь тринадцатилетнего мальчишку, которому не давалась поэзия Лермонтова.

Такая неприятность с Вадиком приключилась впервые, раньше даже по самым нелюбимым и непонятым предметам, вроде английского, ему удавалось сводить концы с концами и вытягивать хотя бы на тройку. Теперь из середнячков он перешел в нижний разряд учеников, всех представителей которого в параллели можно было пересчитать по пальцам. Он стал двоечником.

Вадик отреагировал на заявление литераторши на удивление спокойно: не просил, не пытался разжалобить, просто кивнул и уставился в окно. Учительнице этого показалось мало.

– Что молчишь, Королев? – ядовито спросила она. – Тебя все устраивает?

Он повернулся к ней, чувствуя, как закипает в груди гнев. Ну, не аттестуешь за четверть, ну, смешала с дерьмом, ну, доказала, что ты сильнее, – отвяжись, оставь человека в покое, не надо над ним издеваться.

– Да, – ответил Вадик. – Меня все устраивает, шмара.

Последнее слово получилось чуть громче, чем нужно.

– Что? – заорала она, брызгая слюной. – Что?! Пошел вон отсюда!

– Ну и пойду! – Вадик встал из-за парты, схватил сумку, направился к двери. – Срать я хотел на тебя!

– Я докладную на тебя напишу! – верещала литераторша. Глаза ее выпучились так, что, казалось, вот-вот должны были выпасть на пол. – Как ты смеешь, мерзавец! Завтра с родителями в школу, или вообще можешь ко мне на уроки не приходите до конца года! Вон!

– С удовольствием, – пробормотал мальчик и, оказавшись в коридоре, с грохотом захлопнул за собой дверь.

Как после такого можно откладывать побег? Обстоятельства все решили за него. Если он не сделает этого сейчас, то не сделает никогда. Ничего сложного, главное – начать. Раз, два, три...

Вадик встал, осторожно вытащил из-под кровати старый отцовский рюкзак, предусмотрительно наполненный всем необходимым. Внутри были: вязаный свитер, резиновые сапоги, книги – «Властелин Колец: Возвращение короля» и «Одиссея капитана Блада», – батон, несколько яблок, шоколадка, пачка печенья, две банки тушенки, двухлитровая бутылка газировки, складной ножик, аккуратно упакованные в целлофановый пакетик деньги (все его небольшие сбережения), несколько пар носков и комплект сменного белья.

От возбуждения Вадика трясло. Еще никогда в жизни он не делал ничего столь важного, серьезного и страшного. Дрожащими руками он застегнул пуговицы на рубашке, натянул джинсы и толстовку. Потом, ступая как можно тише, вышел в прихожую. Главное – не наткнуться в темноте на журнальный столик. Грохот упавшей на пол вазы был бы сейчас совсем некстати.

Продвигаясь сквозь мрак на ощупь, Вадик добрался до дверей. Глаза его уже начали немного различать предметы, поэтому он без особого труда отыскал свои ботинки и куртку. Почти все, осталось только самое трудное. Вадик прислушался – ничего не изменилось в безмятежном безмолвии спящей квартиры, все так же равномерно тикали часы да храпел отец. Он вдруг представил, как мать встает с кровати и бесшумно крадется по коридору, чтобы застукать его. Жесткие волосы собраны на затылке в неопрятный пучок, на плечи накинут старый халат. На лице – хитрая злобная усмешка. Она подойдет сзади, схватит сына за воротник:

– Куда это ты собрался, паршивец?!

Вадик вздрогнул, будто бы в действительности услышал этот голос. Обернулся. Позади никого и ничего, кроме по-прежнему погруженной во тьму квартиры. Лишь бы не услышали. Он начал поворачивать ручку замка. Она была круглой, с выступом посередине. Обычная такая ручка. Нужно сделать всего два оборота, открыть дверь и выйти на лестничную площадку. Очень просто.

Первый щелчок получился оглушительным, будто взрыв бомбы. Наверняка его было слышно на другом конце города. Вадик замер. Казалось, грохот все еще висит в воздухе, звучит, отражаясь от стен и потолка. Но это просто звенела вокруг тишина, густая, тяжелая, враждебная. Задержав дыхание и стиснув зубы, Вадик повернул ручку снова. На этот раз щелчок показался чуть тише. На другом конце города его, конечно, не слышали, но всю улицу он точно должен был переполошить. Однако храп отца в спальне не прервался ни на секунду.

Медленно выдохнув, Вадик потянул ручку двери на себя. Приглушенно скрипнули петли, ударил в глаза ослепительно-желтый свет. В любое другое время эта лампочка под потолком показала бы ему тусклой, но только не сейчас. Прищурившись, мальчик вышел на лестничную площадку, как можно осторожней закрыл за собой дверь. Замок защелкнулся, и Вадик некоторое время постоял, прижавшись к двери ухом. Ничего. Ни звука. Стерев со лба пот, он зашагал вниз по лестнице. Только через два пролета понял, что забыл о самом главном.

Из кармана джинсов он достал сложенную вчетверо записку, развернул, прочитал слова, написанные его неаккуратным, крупным почерком:

«МАМА И ПАПА, Я УХОЖУ. НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ, ТАК ВСЕМ БУДЕТ ЛУЧШЕ».

Вроде бы все правильно, без ошибок. Интересно, будет ли записка прилагаться к делу о его исчезновении? Будет, наверное. Так странно: сейчас она зажата в его пальцах, которые еще совсем недавно выводили в ней букву за буквой обгрызенной шариковой ручкой. А через пару дней эта бумажка попадет на стол следователя, потом окажется прикрепленной к другим документам в папке с названием вроде «КОРОЛЕВ В. Г. – ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ». Вещи проживают свои собственные жизни и блуждают по своим собственным судьбам.

Возвращаться наверх, в квартиру, было бесполезно – Вадик не взял ключи. Так что оставался только один выход. Мальчик спустился на лестничную площадку первого этажа, где на стенах ровными рядами висели почтовые ящики. Отыскав нужный, опустил туда записку.

Вадик вышел из подъезда, оглянулся на свои окна. Черные, пустые, спящие. Если прищуриться, то можно различить белые тюлевые занавески, которые мать уже несколько лет собиралась заменить. За ними не было никаких признаков движения или тревоги. Темнота и тишина. То, что надо.

Вадик развернулся, зашагал по направлению к парку. Последние пару дней план побега, безрассудный, необычный, складывался в его голове подобно сложному пазлу – из мелких составных частей. Каждый кусочек тщательно проверялся, обдумывался, рассматривался со всех сторон. Если по каким-либо причинам кусочек не подходил, он безжалостно отбрасывался и начинался поиск альтернативных решений. Одним из самых слабых звеньев в плане Вадик считал использование общественного транспорта, тем более междугороднего. Сколько он ни слышал рассказов о побегах из дома, во всех них беглецов ловили в первую очередь потому, что быстро выяснялось, на чем и куда те отправились. А потому вполне логичным было отказаться от электричек и междугородних автобусов – по крайней мере, на первых порах. Вадик прочитал и посмотрел достаточное количество детективов, чтобы знать: самое надежное убежище всегда находится под носом у врагов, там, где они станут искать в последнюю очередь.

Была бы сейчас не последняя неделя сентября, а конец лета, он бы, не задумываясь, выбрался на крышу своей многоэтажки и ночевал бы там под открытым небом. Но холод с дождями исключали такую возможность. Поэтому школа оставалась идеальным вариантом. Среди всей этой путаницы коридоров и кабинетов прятались укромные места, теплые, надежные, в которые никто точно не заглянет в ближайшие пару недель. Например, склад при вожатской. Небольшая комнатка без окон, доверху наполненная старыми пионерскими барабанами, рулонами древних стенгазет, останками пришедших в негодность маскарадных костюмов и прочим хламом. Последний раз ее открывали в конце прошлого учебного года в поисках чего-нибудь, похожего на корону Нептуна. Разумеется, не нашли, поэтому Нептун в тот раз обошелся без головного убора.

Ключ от склада Вадик добыл без труда – просто снял его с гвоздя в закутке техничек на первом этаже, где тот висел в окружении десятков своих собратьев. Вряд ли кто-то обратил внимание на пропажу именно этого ключа, тем более что технички сами никогда ими не пользовались.

А теперь беглец собирался забраться на склад, запереться там и просидеть несколько суток тише воды, ниже травы, по крайней мере, до тех пор, пока суматоха поисков немного не уляжется. Вадик хорошо помнил, как год назад убежал один семиклассник. В первый день вся школа стояла на ушах: учителя и завучи расспрашивали учеников, по коридорам сновали милиционеры, все были на нервах, бледнели, краснели, срывались на крик. На следующее утро страсти немного улеглись, нервы успокоились, а когда в конце недели беднягу сняли с поезда где-то под Новосибирском или Омском, никто уже не обратил на это особого внимания. Сняли и сняли, ничего необычного.

То же самое произойдет и в его случае. Сперва, конечно, побесятся, а потом и думать забудут: побег Королева из маленькой катастрофы превратится в рутину, всем будет уже не до него. К этому времени милиция опросит всех, кто мог видеть его этой ночью в электричках или автобусах, и, не напав на след, начнет искать в других местах. Вот тут настанет его черед. Придется ночью пешком дойти до следующей железнодорожной станции, сесть там на первый утренний поезд, чтобы точно не вызвать ничьих подозрений, но уж на железной дороге он с пути не сойдет.

Самыми тяжелыми представлялись именно ближайшие дни. Двое, а лучше – трое суток в тесной коробке, забитой мусором. У нее был лишь один существенный плюс – отсутствие окон. Никто не увидит с улицы свет, а значит, он сможет читать по ночам, не беспокоясь о том, что выдаст себя. Съестного должно хватить, только если не особенно шиковать, да с туалетом тоже придется тяжело. Честно говоря, в этом последнем вопросе Вадик возлагал немалые надежды

на двухлитровую бутылку с газировкой – рано или поздно, когда она опустеет, ее можно будет полноценно использовать в других целях. Противоположных.

Парк приближался. Вокруг не было ни души, на пустынных асфальтовых дорожках блестяли в свете редких фонарей мутные зеркала луж, нависали со всех сторон черные громады домов, расцветенные кое-где желтыми квадратами еще не спящих окон. У ворот парка, рядом с маленьким круглосуточным ларьком, столпилась компания молодых парней. Они громко смеялись и разговаривали. Нельзя, чтобы его заметили здесь. Ни в коем случае. Вадик нырнул в кусты и благополучно добрался до ворот под их прикрытием.

Парк встретил его почти непроглядной тьмой и сырым, затхлым холодом. Пару лет назад, когда они только переехали, Вадика, сильно переживавшего из-за расставания со старыми друзьями, утешало лишь то, что ходить в новую школу придется здесь – он очень любил деревья, с удовольствием предвкушал ежедневные прогулки по заросшим тропинкам, листопад и зимнюю серебряную красоту. Но сейчас парк выглядел совсем иначе. Темнота оставляла слишком много простора для страха.

Вадик остервенело вышагивал по асфальтированной тропинке, стараясь не смотреть по сторонам и не оглядываться. Ноги то и дело попадали в лужи, ботинки промокли, а пальцы начали мерзнуть. Оставалось надеяться, что в старой вожатской удастся просушить обувь на батарее. Смешнее всего будет, если после такой прогулки он простудится и заболеет, свалившись в своем убежище с высокой температурой. Бесславный, позорный конец всего предприятия.

Впереди, под стоящим на углу фонарем, появился человек в коротком пальто. Он неспешно шел навстречу, сунув руки в карманы и опустив глаза. Первым желанием Вадика было рвануть прочь с тропинки, но он сумел удержаться. Не хватало еще обращать на себя внимание таким нелепым образом. Иди, как ни в чем не бывало. Этот мужик пьяный, скорее всего.

Втянув голову в плечи, Вадик разминулся с прохожим. Он вздохнул с облегчением, но тут сзади раздалось:

– Эй, мальчик!

Вадик обернулся. В этот самый момент мужчина сказал еще что-то: странное, непонятное слово, а может, и не слово вовсе, может, все дело было в голосе, удивительно низком, хриплом, гортанном. Ноги подкосились, тело обмякло, Вадик, не успевший ничего понять, не успевший даже толком испугаться, начал валиться на асфальт. Сильные ладони подхватили его, заломили руки за спину, потащили куда-то. Он пытался сопротивляться, но с трудом мог пошевелить даже языком. Сейчас я умру, подумал Вадик, я уже умираю, я уже умер. Умер.

14

Таня поднималась по лестнице в каком-то подъезде, как две капли воды похожем на любой другой подъезд: пыльные лампы, погнутые, ржавые перила, истертые ступени, стены, покрытые унылой казенной краской, повсюду расцвеченные выразительными рисунками и надписями. Она попыталась прочитать одну из них, но буквы не желали складываться в осмысленные слова. Каждая отдельно от других казалась знакомой и понятной, но вместе они образовывали невнятные нелепости.

Кое-где в качестве иллюстраций рядом с надписями красовались неумело нарисованные человечки с непропорционально большими головами и ушами. В руках многие из них держали портфели или коробки, из которых лилось (или сыпалось) нечто черное или темно-синее – тусклое освещение не позволяло четко определить цвет.

Таня была на лестнице не одна. Кто-то еще поднимался следом за ней, но на два пролета ниже, а потому увидеть этого человека было невозможно. Слышались только шаги – медленные, шаркающие – и легкое, чуть с присвистом дыхание.

Поначалу неизвестный преследователь лишь немного беспокоил Таню. Ее гораздо больше интересовали надписи вокруг, которые вроде бы означали что-то, но в то же время оказывались просто бесполезным набором знаков. Это было забавно и интригующе, хотя и напоминало о том, что все происходящее – сон. Однако вскоре шаги внизу зазвучали громче и дыхание куда-то исчезло. Оставались только шаги. Мерная, четкая поступь. Ступенька, ступенька, ступенька.

Тане стало не по себе. Она понятия не имела, кто этот преследователь, да и преследователь ли он вообще, но от звука шагов вдруг появился внутри скользкий холодок, за несколько секунд расплывшийся по всем мышцам и суставам. В горле пересохло. Она уже не была уверена, действительно ли это сон. В конце концов, каждый может ошибиться.

На всякий случай она слегка ускорила шаг, и тут же с ужасом поняла, что тот, внизу, на один пролет ниже, тоже зашагал быстрее. Это ничуть не походило на совпадение. Ее преследовали.

Паника захлестнула Таню, она рванулась вверх по лестнице, перемахивая сразу через три ступеньки, отталкиваясь руками от дрожащих, дребезжащих перил. Лестничная площадка – пролет – площадка – три двери – пролет – площадка... Она бежала долго, но в конце концов выбилась из сил, остановилась, чтобы перевести дыхание, оперлась на стену. Рядом черные (или темно-синие) кривые буквы косо провозглашали:

«ЧЕРТОВЫ ПАЛЬЦЫ».

– Чертовы пальцы, – прочитала вслух Таня, невольно усмехнувшись. И в ту же секунду услышала шаги. Ровные, громкие. На два пролета ниже. Кто бы там ни шел, он даже не думал отставать.

Таня перегнулась через перила, посмотрела вниз. Угол обзора был слишком мал, поэтому ей удалось увидеть только рукав черного (или темно-синего) пальто, принадлежавшего, должно быть, весьма крупному мужчине, который неспешно поднимался по ступенькам.

– Эй! – крикнула Таня. – Эй, вы! Что вам от меня надо?!

Молчание. Рукав пальто не вздрогнул, не остановился ни на секунду. Его обладатель свернул с пролета на лестничную площадку, в это мгновение в поле зрения попало его лицо. Оно было задрано вверх, и с него на Таню смотрели черные (или темно-синие) дыры широко распахнутых глаз и рта. Секундой позже преследователь свернул на следующий пролет и исчез из вида.

– Эй! – еще раз крикнула Таня внезапно севшим голосом. Но в ответ – лишь шаги. Размеренные, равнодушные. Шаги в тишине.

– Черт! – Таня вновь побежала вверх, испуганно бормоча: – Черт, черт, черт!

Когда же закончится эта проклятая лестница! Сколько здесь этажей? Сколько людей живет в этом подъезде?! Людей! Нужно позвать на помощь! Таня бросилась к первой попавшейся двери, принялась молотить в нее кулаками. Дверь была большая, судя по всему, деревянная, с аккуратным глазком точно посередине. Она успела ударить несколько раз, прежде чем поняла, что бьет по бетону. Дверь была мастерски нарисована на стене.

Шаги, шаги вниз. Ближе, ближе.

Таня заметалась на лестничной площадке, словно не понимая, в какую сторону бежать. И только когда неизвестный в черном (или темно-синем, темносинем, темно, твою мать, синем) пальто уже вот-вот должен был появиться всего на десять ступенек ниже, она опять помчалась вверх. Она уже мало что понимала. Страх бился внутри нее, гнал пролет за пролетом мимо нарисованных дверей. Чем выше, тем меньше они походили на настоящие – вот уже вместо некоторых просто небрежно начерченные маркером большие прямоугольники с кривым кружком на месте ручки.

Шаги вниз. Слышишь, слышишь?

Мимо надписей и рисунков на стенах, этой наскальной живописи Нового времени. Слова. На стенах – читаемые слова:

«ЧЕРТОВЫ ПАЛЬЦЫ».

«ЧЕРТОВЫПАЛЬЦЫ»

Еще – много раз повторяется, на каждой стене, на потолке, на полу –

«ВЫВЕРНУТЬ НАИЗНАНКУ»

«ВЫВЕРНУТЬ»

«НАИЗНАНКУ»

И вдруг. Открытая. Дверь.

Обычная, настоящая открытая дверь. На очередной, неизвестно какой по счету лестничной площадке. Ни секунды не колеблясь, Таня юркнула внутрь, пробежала по узкому коридору, уставленному пыльной мебелью. А потом она поняла, что попала – глупо, примитивно – в ловушку, и обернулась, но было уже поздно. У нее на глазах дверь захлопнулась, но перед тем, как стало абсолютно темно, она успела заметить стоящего рядом Лешу Симагина. Бледного. Мертвого. С разорванным горлом.

15

В Конторе не прощают. В Конторе смотрят на все сквозь пальцы и закрывают глаза. Для людей из Конторы ни вы, ни я не имеем значения. Их интересует только бесплатный контент. Только классическая музыка. Только стиральный порошок. В глубине души каждый знает: он обречен. Однажды наступит час, когда придется встать к стенке и посмотреть в дула направленных на тебя глаз расстрельной команды. И сказать им самую важную в мире вещь. И заплакать, и простить всех вокруг. Так вот – люди из Конторы уже отплакали свое. Уже отпустили. Квартоза. Шод согай нарр.

16

Пиво там варить умели, это да. И музыка была ничего, от разговора не отвлекала – наоборот, создавала вокруг мягкую непроницаемую завесу. А что еще нужно для хорошего настроения? Вечер, подруги, на столе – полные кружки крафтового самых разных вкусов. Все на месте.

В автобусе голова разболелась опять. Сунув кондуктору деньги, Таня примостилась на одном из задних сидений и, закрыв глаза, постаралась хоть на время провалиться в забытие. Но не тут-то было: каждый толчок, каждая неровность дороги отдавались в черепе новыми вспышками боли. Конечно, в глубине души она с самого начала знала, что все закончится именно этим. Хорошо еще, не укачивает.

Таня вошла в класс за две минуты до звонка, написала на доске число и тему эссе «Влияние Распутина на царскую семью. Мой взгляд». Это было первое, что пришло ей на ум, – объяснять сегодня все равно бы не получилось. Девятиклассники попробовали возмутиться, но когда она в ответ равнодушно попросила у них дневники для выставления оценки, принялись за работу.

Потек, потянулся рабочий день. К окончанию второго урока головная боль чуть поутихла, но все происходящее вокруг стало напоминать цветной бессмысленный мультфильм. Во время первой большой перемены Таня сидела в своем любимом кресле, а вокруг шумела учительская, распираемая разговорами о пропавшем Леше Симагине.

А потом она пыталась рассказывать в шестом «В» о нашествии варваров на Рим. Но урок шел криво, рассыпался на глазах. Рыжий, покрытый веснушками Кривошеев, лучший друг сбежавшего Симагина, нагло улыбаясь ей в лицо, всюду доставал окружающих, плюясь жеваной бумагой в спины сидящих впереди.

– Татьяна Павловна, ну скажите им! – запищала очередная жертва.

– Эй, корова! – крикнул девчонке Кривошеев. – Я тя щас вырублю!

Это стало последней каплей.

Таня с размаха ударила ладонью по столу, так что подпрыгнули лежавшие на нем книги.

– Я тебя сама сейчас вырублю! – зарычала она. – Иди сюда!

В наступившей тишине Кривошеев лениво поднялся со стула.

– Чо я-то? – пробормотал он.

– Быстро! – Таня была в бешенстве. – Сюда, гнида! Ко мне!

Кривошеев нехотя подошел, опустив взгляд в пол. Таня, не вставая с места, отвесила ему гулкую затрещину. В последнее мгновение удалось немного смягчить удар, поэтому Кривошеев, сильно покачнувшись, все же устоял на ногах. Девчонки захихикали. На задних партах кто-то коротко гоготнул.

– Иди на место, щенок! – рявкнула Таня. – Только вякни у меня еще раз, башку оторву тебе к чертовой матери!

Она почувствовала облегчение. Этот мелкий козел получил по заслугам. Дальше урок пошел гораздо проще, спокойней, даже головная боль почти исчезла. Ей удалось объяснить почти все, что было запланировано, а когда прозвенел звонок, каждый ученик аккуратно записал домашнее задание. Кривошеев тоже. Да, это была сила, которую они понимали. Боль доходит до всех, слова – только до некоторых.

Звонок. Звонок. Звонок. Таня раз за разом открывала двери для новых партий орущих, плюющихся, дерущихся уродов. На очередной перемене, не в силах оставаться в пустом кабинете наедине с грязным окном, Таня вышла в коридор, где почти сразу встретила Федора Петровича.

– О! Танюш, привет!

- Здравствуйте.
- Слышала, что мой Королев учудил?
- Королев?
- Ну да, Вадик Королев. Крепенький такой мальчишка, светленький. Молчаливый.
- Я поняла, кто это. Что с ним случилось?
- Сбежал, паршивец.
- Как? – Таня была настолько изумлена, что даже тяжесть в висках на несколько мгновений исчезла. – И Вадик сбежал?
- Ну да, – широко улыбаясь, кивнул Федор Петрович. – Этой ночью. Родителям записку оставил и утек. Я вот до них только недавно дозвонился.
- Ничего себе.
- Караул, елы-палы. Сразу двое дали деру. Никогда о таком даже не слышал. Говорю же, уникальный класс. У-ни-каль-ный.
- А он-то куда рванул?
- Знали бы, давно уже поймали. Родители говорят, может, в Москву, к дяде подался. Ищут. Из милиции вон приехали, сейчас Дениску Лопатина допрашивают. Они вроде как друзья были.
- Понятно. А я-то думаю, что это у меня Королева на уроке нет. Странно, он такой спокойный всегда был, рассудительный. С чего ему из дома убежать?
- Федор Петрович пожал плечами, отвел взгляд:
- От счастливого детства не бегут.
- Кстати, – Таня почувствовала, что краснеет, и огромным усилием воли удержала свой взгляд от сползания вниз, на носки туфель, – я вот только что напортачила в вашем классе. Не просчитала пару шагов.
- Что случилось?
- Дала по башке Кривошееву.
- Федор Петрович невесело засмеялся.
- Ну, ничего страшного. Не ты первая, не ты последняя не смогла удержаться. Дело в том, что это для тебя он – единственный ученик, которого ты ударила, а для него ты – одна из множества женщин, от которых он получал по башке. Он уже забыл об этом, не переживай.

17

Вадик приходил в себя постепенно. Боли не было, но сознание наполняла память о ней, о жестких ладонях, скрутивших руки за спиной, о пахнущем пластмассой и бензином салоне старой «шестерки». Несколько мгновений все это по-прежнему казалось реальным, близким, и бездонная пасть смерти, сожравшая его, не желала отпустить. Но потом он все-таки понял, что жив. Жив и даже вроде бы цел. Однако особого облегчения это не принесло.

Сочился сквозь серые занавески тусклый свет, по ту их сторону невнятно шумели проезжавшие машины. Вадик лежал на продавленном диванчике в крохотной комнатке с выцветшими обоями и покрытым трещинами потолком. Здесь стоял еще небольшой стол с чистой, но тоже посеревшей от старости скатертью, на котором возвышался электрический самовар, а у дальней стены громоздился обшарпанный сервант, заставленный разнокалиберной посудой. Мальчик попробовал подняться и только тогда понял, что связан. Веревка крепко стягивала кисти рук, локти, колени и щиколотки. Все, на что он был способен в таком положении, это неуклюже извиваться, подобно огромному, толстому червяку. При мысли о червяках Вадик снова вспомнил прошлую ночь, то, что лежало под задним сиденьем «шестерки», совсем рядом с ним. Согнувшись, он свесил голову с дивана, и его тяжело, шумно вырвало.

– А! – раздался рядом спокойный голос. – С добрым утром!

Откашлявшись, Вадик поднял глаза. В дверях стоял невысокий, щуплый мужчина, почти уже старик, одетый в опрятный деловой костюм. Рот его кривился в усмешке, но глаза оставались холодными, а во всей угловатой, нескладной фигуре чувствовалась напряженность, словно он в любую секунду готов был броситься в драку.

– Добро пожаловать, – продолжал мужчина. – У меня, честно говоря, не так уж часто бывают гости.

Говорил он тихо, размеренно, почти даже ласково. Это же маньяк, понял Вадик. Похититель и убийца детей. Как в кино. Как в новостях. Ни капли не похож. Ни капли.

– Отпустите меня, – попросил он, сам не зная зачем.

– Нет, – отмахнулся мужчина и, отодвинув от стола небольшую табуретку, уселся на нее. – Ночью пришлось применить силу, сам понимаешь, особого выбора у меня не было. Весьма эффективно получилось, кажется. А?

– Развяжите руки, пожалуйста. Очень трет.

– Я даже не предполагал, что натолкнусь на тебя, знаешь? Просто мне было видение, из которого следовало, что нужно отправиться ночью в парк. Кто же знал! После такого поневоле начнешь верить в удачу, в высшие силы, а?

– Веревка очень жесткая. Больно.

Мужчина, прищурившись, взглянул на него, потом повернулся к окну и сказал:

– Ты должен стать последним. Надеюсь. Все будет закончено, и мне наконец удастся отдохнуть. Хоть немного, но отдохнуть. Я так долго ждал. Понимаешь?

Вадик отрицательно помотал головой, но похитителю, судя по всему, не было до него никакого дела. Он продолжал задумчиво смотреть в окно и еле слышно говорить:

– Но нужно подождать еще чуть-чуть. Луна займет правильное положение только через пару дней. Они могут выследить меня. Они уже пришли, уже здесь. Ходят по улицам, вынюхивают, высматривают. Ищейки. Псиной воняет так, что и покойник бы учуял. Надо заняться безопасностью.

Он вдруг повернулся к Вадиду, спросил, чуть повысив голос:

– Как там вас сейчас в школе учат, сколько человек сможет прожить без еды и без воды?

– Без воды три дня, – ответил Вадик. – А без...

Но похититель уже не слушал его. Бормоча «Три дня, три дня, в самый раз», он поднялся, аккуратно поставил табуретку на прежнее место, направился к двери. Уже почти закрыв ее за собой, он вдруг остановился и, обернувшись, сказал:

– Да. Можешь кричать, звать на помощь, сколько душе угодно. Хоть весь изорись. Никто не услышит. Проверено.

Он подмигнул и захлопнул дверь. Щелкнула щеколда. Вадик смотрел на дверь до тех пор, пока не заболели глаза. Внутри, в душе, в сердце, в голове, было абсолютно пусто – ни страха, ни отчаяния, ни тоски. Он все это уже пережил, перерос в машине, глядя на обглоданное лицо Симагина. К родителям не хотелось, и о сделанном тоже не жалелось. Все получили то, что заслужили. Только с литераторшей надо было все-таки рассчитаться иначе: подбросить ей змею в сумку или поджечь пальто. Так, чтобы она обосралась от ужаса. Чтобы орала, выпучив глаза, и махала бестолково руками.

Вадик прислонился к стене, на которой висел тонкий ковер с вышитым на нем ярко-коричневым оленем. Есть и пить пока не хотелось. Мучиться осталось недолго. Он стал думать о том, чем мог бы закончиться «Властелин Колец», если бы Саурону удалось перехватить Фродо по дороге к Огненной горе. Кричать Вадик даже не пытался.

К вечеру он почувствовал себя немного лучше. Уродливая, чудовищная реальность прошедшей ночи скрылась в глубинах памяти, перестала заполнять собой сознание. Боль в перетянутых запястьях и щиколотках тоже притупилась, но на ее место вскоре встала жажда. Голода Вадик почти не чувствовал, а вот пить хотелось сильно. Еще появился тусклый, но все-таки заметный страх. Вполне определенный – страх за жизнь. Через пару дней низенький, с виду такой безобидный человечек, похожий на школьного учителя, перережет ему горло. Или что он там делает со своими жертвами? Сначала насилует? Вадик готов был десять раз умереть, лишь бы не это. Двадцать раз умереть. Даже если потом его все равно убьют, в школе рано или поздно узнают, что перед смертью... Подобные вещи всегда всплывают, как бы их ни прятали. О, Господи, Господи, пожалуйста, только не так, пожалуйста.

Надо было бежать. Хотя бы попытаться. Хотя бы начать пытаться. Сраная веревка.

– Затек весь небось? – спросил хозяин.

Вадик, который давно уже не чувствовал ни рук, ни ног, молча кивнул.

– Так и есть, – пробормотал старик. – Надо бы тобой заняться.

Он сел на край кровати, принялся распутывать узлы на щиколотках мальчика.

– Только это, не вздумай брыкаться. Дернешься – сразу получишь по башке и будешь дальше лежать скрученный, как полено, до самого конца.

Освободив ноги, маньяк стал медленно растирать их, от коленей до кончиков пальцев. Делал он это одной рукой, а второй с силой прижимал Королева к стене. Впрочем, тот и не думал сопротивляться: голени не слушались, словно кто-то вынул из них кости, а полости набил пенопластом. Может, так оно и случилось, пока он был без сознания. Потом пришла боль. Начавшись легким покалыванием, она разлилась по ногам, вцепилась в них стальными когтями. Вадик не смог сдержать стона.

– Ага, – обрадовался старик. – Сработало. Значит, здесь хватит.

Не спуская настороженного взгляда с лица Королева, он несколько раз согнул его ноги в коленях, потом вновь набросил петли, затянул узлы.

– Ну, теперь давай руки.

Разминая локти и запястья Вадика, хозяин бормотал:

– Так-то оно всяко лучше будет. Еще немножко.

Онемевшие пальцы, казалось, больше не являлись частью остального тела, не подчинялись приказам сознания. Сжать их в кулак не представлялось возможным. Но постепенно, под жесткими ладонями похитителя, они обрели былую чувствительность.

– Ты только не дергайся, – приговаривал старик, – и все будет хорошо.

Закончив с руками, он основательно связал их – даже ту же, чем раньше – и, молча поднявшись, вышел из комнаты.

Стемнело быстрее, чем ожидалось. Шум автомобилей за окном стих. Вадик напряженно вслушивался в каждый шорох, боясь закрыть глаза. Старый дом словно медленно ворочался во сне, убаюкивая его своим монотонным сопением, убеждая в нереальности происходящего. Наконец, когда уже стало казаться, что ночь будет длиться вечно, в коридоре скрипнули половицы, и дверь открылась.

Хозяин вошел медленно, медленно отодвинул табуретку, неспешно сел. Он был немного выпивши – Вадик понял это по чрезмерной аккуратности движений и по характерному запаху. С отцом часто бывало подобное. Напрягшись, мальчик уперся спиной в стену, собрался с силами, приготовившись брыкаться, кусаться, плевать – сражаться до последнего.

– Не спишь? – спросил зачем-то хозяин. – Хорошо. Не хотел тебя будить.

Успевшие привыкнуть к темноте глаза Вадика резал желтый свет, лившийся из приоткрытой двери. Вместе с ним в комнату проникал и запах: противный, приторный, резкий.

– Я ведь зачем пришел, – сказал хозяин. – Потому что ты последний. Никогда раньше я не говорил с вами. Нельзя, знаю. Строжайше нельзя. Стро-жай-ше. Но ты ведь последний. Больше никого не будет. Никогда. И вот я сидел там, размышлял об этом и вдруг понял, что никогда не говорил с вами. Только с ними. А они, хоть и великолепны, не могут заменить собой бытие целиком. В мире столько всего чудесного, а у меня остался последний шанс пообщаться с одним из вас, с последним. Больше я никогда не обогреть руки в крови.

Он коснулся пальцами колена Вадика, тот вздрогнул, отпрянув.

– Ты боишься, – невесело усмехнулся хозяин. – И правильно. Абсолютно правильно. Есть чего бояться. Нам всем есть. Но тут уж ничего не поделаешь, сила не дается просто так, ее нужно зарабатывать, и гримуары тоже не получают из воздуха. Ты знаешь, что такое гримуар?

– Нет.

– Это такая книга. Очень могущественная книга. Вам в школе, наверно, говорят что-нибудь вроде этого про Библию. Слышал про Библию?

Вадик кивнул.

– Вот. Библия – просто старая умная книжка, ничего могущественного в ней нет, там просто слова. Слова, понятное дело, бывают разные, могут наполнять людей силой, но все-таки они всего лишь слова. А гримуар сам по себе способен на многое, сам по себе инструмент. Они известны с незапамятных времен. Я понятно объясняю? Тебе вообще, как, интересно?

Вадик снова кивнул, хотя рассказ похитителя его, естественно, не занимал – гораздо важнее было то, что тот не пытался его насиловать или убивать.

– И вот я почти дописал свой гримуар. Двенадцать лет работы. Детская кровь. Три дня, потом они вернутся. Книга будет закончена, и они смогут вернуться. Они ведь уже почти здесь – это мучает их невероятно. Все равно что ты бы прошел месяц по пустыне, страдая от жары и жажды, а потом добрался до озера в оазисе, и вдруг некая сила остановила бы тебя у самого берега. Вот она, вот она, вода, протяни руку – но не достаешь. Совсем чуть-чуть не достаешь. О, черт, они с ума сходят!

После этих слов хозяин хрипло засмеялся, закашлялся и замолчал, уставившись в пол. Вадик шмыгнул носом, попросил:

– Можно мне попить?

Мужчина поднял голову и несколько мгновений всматривался мальчику в глаза.

– Дочь у меня есть, девчонка вроде тебя, – сказал он и задумался. – Хотя нет, сейчас она уже старше должна быть. Я оставлю гримуар ей. Мне не нужны ни слава, ни сила. После того что я натворил, мне ничего не нужно. А ей могло бы пригодиться. Гримуар сделан так, что она сможет повелевать Пальцами. Понимаешь?

Вадик кивнул.

Хозяин нахмурился:

– Врешь, щенок. Ни хрена ты не понимаешь. Ни хрена ты мне не веришь.

– Верю, – запротестовал Вадик. – Верю. Можно мне, пожалуйста, попить?

– Пойдем, – процедил хозяин сквозь зубы, поднялся и, схватившись за веревку, стягивающую щиколотки мальчика, потянул к себе. – Пойдем, щенок. Сейчас сам все увидишь. Сейчас поймешь, что к чему.

Вадик тяжело охнул, упав с кровати на пол. Мужчина потащил его к выходу и выволок в коридор. Здесь запах – тот самый, отвратительно-приторный, – стал заметно сильнее, и, судя по всему, им предстояло добраться до его источника. Вадик прижал подбородок к груди, чтобы не биться головой о доски, но это явно было наименьшей из его проблем.

– Сам увидишь, – бормотал похититель, тяжело дыша. – погоди, паренек, во всем убедишься.

Он толкнул какую-то дверь, вонь стала невыносимой. Хозяин отпустил щиколотки Вадика и даже, приподняв за плечи, прислонил его спиной к стене, но мальчик все равно не сразу смог понять, что увидел перед собой. А когда понял, не удержался от крика.

В центре комнаты лежал труп.

Это был взрослый мужчина, абсолютно голый. Дощатый пол под ним пропитался темной жидкостью, а на лице лежала заскорузлая тряпка, полностью закрывавшая его. Запястья и ступни мертвеца были прибиты к полу толстыми гвоздями.

Вадика стошнило – вовсе не от вони, он уже не замечал ее, – от цвета убитого. Скучное содержимое желудка потекло по подбородку, закапало на грудь. Это позволило ему отвести взгляд. Шторы в комнате оказались плотно задернуты, а свет давала небольшая лампа, стоявшая на единственном предмете мебели, высоком квадратном столе.

Хозяин ткнул пальцем в сторону трупа:

– Этот жил здесь до меня. И после меня тоже. Парадокс, ха!

Он подошел к столу, поднял с него что-то. Большую толстую тетрадь в черной, тщательно оклеенной скотчем обложке.

– Вот она! – воскликнул он, потрясая тетрадь в воздухе. – Вот моя работа! Вся моя жизнь, все мои силы. Здесь. Альфа и омега, альфа и омега! Книга, написанная кровью тех, кто не успел вкусить греха, детской кровью!

Хозяин резко замолчал, словно ему вдруг перестало хватать воздуха. Еще пару раз взмахнув тетрадь, он подошел вплотную к своему пленнику и зашептал, глядя на него полными слез глазами:

– Ты думаешь, мне нравится? Думаешь, мне приятно? Ничего подобного. Это все время со мной, в моей голове, в моих ушах: ваши крики, ваша боль. Я проклят, понимаешь? Но кто-то должен взять на себя ответственность.

– Я не... – начал Вадик и закашлялся, в горле страшно першило. – Я не невинный.

– Что? – удивился хозяин. – Как?

– Вам ведь нужны невинные, да? А я... занимался онанизмом.

Хозяин несколько секунд молчал, а потом захохотал. Смеялся долго, бил себя ладонями по коленям, вытирал текущие по дряблым щекам слезы. Отдышавшись, он отошел к столу и сел на него.

– Нет, парень, насчет этого не волнуйся. Бред и брехня, одна из многих цепей, ведущих к ошейнику на послушной овце по имени Род Людской. Сколько ты там тягаешь себя за пипиську, никому никакого дела.

Он перевел дух, открыл тетрадь, полистал ее.

– Я написал уникальную книгу. Люди не узнают об этом, не оценят, будут обсуждать лишь чернила. А ведь чернила здесь выбраны не просто так. Мой гримуар – не обычный сборник заклинаний, не учебник колдовства, а книга-эксперимент. Книга-ритуал, одно большое, невероятно сложное и мощное заклинание. Через три дня, когда Луна будет благосклонна, мы с тобой завершим его, поставим финальную точку. Тогда они вернуться. Те, о ком я тебе говорил. Имена для них уже не имеют значений, а сами себя они называют теперь Чертовыми пальцами, ибо их пятеро, и они едины. Словно кулак, понимаешь? Хочешь увидеть?

Вадик помотал головой. Хозяин ощерился:

– Жаль. Твой одноклассник видел. Его можно пожалеть, потому что он погиб зря. Им просто нужно питаться, нужны ужас и боль. Без них братья быстро приходят в неистовство, а потом слабеют, отдаляются. Вот я и отпустил их на охоту. Мне пришлось. Иначе никак. С тобой другая история. Ты отдашь свою кровь для чернил, ты завершишь собой заклинание, благодаря которому братья вновь обретут плоть и имена. У тебя есть право смотреть.

Он встал над трупом и, открыв тетрадь на одной из последних страниц, начал читать вслух. Вадик не понимал ни одного слова, и казалось, что звуки, которые издавал хозяин, исходили не из его рта, а брались откуда-то извне, вездесущие, как трава, и столь же непостоянные.

Лампочка под потолком начала раскачиваться, чуть помаргивая, и мертвец на полу зашевелился. В неверном, двигающемся свете лампы это выглядело почти естественно, а потому еще более зловеще. Сначала задергались пальцы, через несколько мгновений двинулась голова. Вадик стиснул зубы, чтобы не закричать.

Из-под тряпки, закрывавшей лицо мертвеца, показались тоненькие струйки темной и густой крови. Тряпка зашевелилась, просела там, где должен находиться рот, будто бы для крика, а потом раздался голос – ниже и неприятнее, чем у хозяина, но говоривший на том же языке.

Он спросил, а хозяин ответил, и у Вадика перехватило дыхание. Что-то происходило вокруг, невидимое, жуткое. Сознание его помутилось, в глазах двоилось, он уже не мог бы сказать, почему находится здесь. Комната выросла в размерах, расширилась невероятно, превратившись в огромный черный зал, а слова, что звучали в ней, вдруг обрели смысл.

– Мы слышали! – кричал мертвец, извиваясь на полу. – Мы знаем!

– Потерпите еще немного! – умолял хозяин. – Все почти готово. Вам нельзя сейчас выходить. Три дня, всего три дня, и я закончу. Чернила уже готовы. Круг замкнется, вы обретете новую жизнь! Три дня, умоляю...

– Нет, старик! Нет! Ты хочешь сделать нас рабами твоей дочери!

– Неправда!

– Мы слышали! Мы знаем! Предатель!

Вадик моргнул, и на долю секунды ему померещилось, будто он видит их. Пять черных тощих согнутых фигур, стоящих полукругом в изголовье корчащегося на полу покойника. Вместо лиц – дыры, в которых клубился дым. Они наклонялись вперед, и оттого действительно становились похожи на скрюченные пальцы огромной руки, поднимавшейся к этому дому откуда-то из глубин земли. Вадик сделал вдох, видение пропало. Он еще мог понимать колдовской язык, но все вокруг вертелось, проваливаясь в темноту.

– Я верен вам, – глотая слезы, бормотал хозяин. – Клянусь!

– Докажи! – скрежетал мертвец. – Покажи нам свою дочь!

– Не трогайте ее, – умолял хозяин. – Она здесь ни при чем!

– Открой ее нам, отдай нам ее! И тогда сила, что заключена в книге, останется с тобой навсегда!

– Не трогайте Таню...

– Мы видим! – был ответ, и Вадик зажмурился от яркой вспышки. Веки нестерпимо болели, в висках стучал огромный железный молот. Отчаянно, обреченно вопил хозяин.

Потом все стихло. Вадик осторожно, медленно открыл глаза. Лампа, поскрипывая, покачивалась под потолком, освещая застывший труп, прибитый к полу. Тряпка съехала с зеленого лица, обнажив пустые черные глазницы. Больше в комнате никого не было.

18

В газетах о них не пишут и песен о них не поют. Но они здесь, среди нас. Ходят по улицам, сидят в барах, исподлобья поглядывают на попугачиков в общественном транспорте. Они никогда не улыбаются чужим шуткам – только своим мыслям. Они никогда не будут говорить с вами о политике или футболе. Потому что если заговорить о чем-то, оно непременно станет реальностью, а кто хотел бы жить в мире, где реальны политика или футбол? В остальном ограничений для беседы нет. Если услышите стрельбу, падайте на пол. Если увидите пол – стреляйте. Дой тикс. Хвагдан умол. Зушш.

19

Отзвенели последние субботние звонки, и дети хлынули галдящей толпой в залитый полетному теплым солнцем город. Вслед за детьми потянулись учителя – поодиночке, по двое, по трое, почти все понурые и усталые. Только физрук, как всегда, вышагивал бодро и быстро, оглядывая все вокруг с неизменной легкой улыбкой. Бесперывно зевая, поплелась домой молодая учительница истории Таня Кирше, а через несколько минут после нее ушла директриса, которую за углом ждала новая машина. Из своих защищенных ржавыми решетками окон, выходящих прямо на школьное крыльцо, Федор Петрович видел их всех.

Он злился. В классе второй раз за день перегорела лампочка. Вроде бы ерунда, но этому кабинету давно уже требовался капитальный ремонт. Не очередная покраска стен дешевой вонючей эмалью неопределенно-зеленого цвета, а основательное, полномасштабное разрушение старого и создание нового. Электропроводка, пол, потолок, столы, станки – все безнадежно обветшало и годилось только на выброс. Станки он не включал уже несколько лет, боясь проблем с электричеством, и эти огромные, покрытые пылью машины угрюмо толпились вдоль окон, словно чучела доисторических чудовищ. А сами окна! Сквозь щели в перекошенных деревянных рамах зимой безжалостно дул ледяной ветер, не обращая внимания ни на вату, ни на липкую ленту, которыми Федор Петрович пытался его остановить. Да в эти щели в некоторых местах можно было палец просунуть без труда! Поставить бы пластиковые окна, как, допустим, в кабинете директора, и наслаждаться жизнью: ни тебе холода, ни шума с улицы.

Тяжело вздохнув, Федор Петрович еще раз окинул взглядом свои незавидные владения и вернулся к работе. В школе стояла полная тишина, но он не собирался уходить, пока не закончит с этим проклятым отчетом. На столе перед ним возвышалась целая гора бумаг: здесь были и проверенные тетради, и тщательно заполненная ведомость на питание учащихся, и классный журнал, в котором строчку за строчкой тесно покрывал его мелкий аккуратный почерк. Через пару дней педсовет, разбор полетов, так сказать. Пожалуй, стоит готовиться к серьезному разговору. В самом начале учебного года из одного класса пропадают сразу двое учеников. Где это видано! На Симагина, долботряса, всем давно плевать на самом деле. Покривляются для вида, конечно, пожурят, да хрен с ним. А вот насчет Вадима Королева беседовать станут жестко. С ним и с этой чертовой литераторшей. Какой год она работает в школе? Пятым? Шестым? Пора бы уже научиться общаться с детьми. Вот завтра на педсовете он так и скажет – всему виной непрофессионализм учителя-предметника, преподавателя литературы, которая допустила (а может быть, и спровоцировала) конфликт с учеником. Какого хрена он должен отвечать за ее ошибки?! Какого хрена он должен отвечать за ее оскорбленное самолюбие?! Ну уж нет. Завтра при всех нужно ей прямо заявить: «Вы, милая моя, эту кашу заварили, вы и расхлебывайте – общайтесь с милицией, контролируйте поиски, висите на телефоне...»

Да, а самое главное – ждите. Постоянно ждите самого плохого. И думайте о том, как вы будете сообщать об этом родителям. Хотя, черт с ними, с родителями, им насрать на сына, лучше думайте о том, как сами потом сможете с этим жить!

Так он, конечно, не скажет. Не скажет, ничего не поделаешь. Приучен делать окружающим приятное. Всегда страшно сказать правду, страшно огорчить, расстроить их. Он даже с женой развелся лет на десять позже, чем следовало, оставшись практически без шансов начать новую жизнь. Пока ждал, тянул, боялся, переживал за нее, драгоценный момент был упущен, а сейчас, когда они оба, постаревшие, бездетные, никому не нужные, влачат свои жалкие одинокие жизни порознь, развод действительно выглядит чудовищной ошибкой, почти преступлением. Все хорошо вовремя.

Они уже очень долго не разговаривали. Может, позвонить ей, предложить встретиться?

Федор Петрович фыркнул и взглянул на часы. Без четверти пять. Ничего удивительного, что в голову лезет всякая чушь – столько времени сидит над этими проклятыми бумагами. Хватит, пожалуй.

Он аккуратно вписал в очередную клеточку значение «уровня обученности» и, почти торжественным жестом отодвинув листок от себя, встал из-за стола. К чертям собачьим эту бухгалтерию! В понедельник. У него будет полным-полно времени в понедельник, с утра до педсовета можно успеть и отчет по успеваемости закончить, и доклад о поисках беглеца подготовить. Как говорится, утро вечера мудренее. А сейчас – на улицу, пешком через стадион, как обычно, как каждый день последние двадцать лет, потом вверх по улице, в магазинчик, взять четвертинку, дома заесть ее яичницей с парой немецких сосисок, сесть перед телевизором и переключать каналы до тех пор, пока не начнет клонить в сон. А завтра стоит, наверное, заняться сараем – физический труд прекрасно отвлекает от мрачных мыслей.

Федор Петрович погасил свет, запер кабинет, не спеша пошел к лестнице, ведущей на второй этаж, к учительской. Он попытался пробурчать какую-нибудь мелодию, но настроение все-таки не позволяло – слишком уж много проблем навалилось на него в последнее время. И случилось ему это классное руководство!

– Федор Петрович! – раздался вдруг за спиной знакомый детский голос.

Он резко остановился и оглянулся. Никого. Какого черта?! Показалось? Пустой коридор блестел отражениями люминесцентных ламп на вытертом линолеуме. Трудовик недоуменно, тревожно хмыкнул, вернулся к лестнице. Но всего через несколько секунд вновь услышал.

– Федор Петрович! – позвали его сзади.

Королев? Не может быть! Да почему не может? Кто сказал, что мальчишка непременно должен был убежать куда-то далеко? Почему бы ему в самом деле не спрятаться в школе?

Он повернул туда, откуда слышался голос. Там, за поворотом, располагались только склады и старая столовая, которую не использовали уже лет пятнадцать, если не больше. Что если мальчишка нашел способ туда пробраться? Отсиделся там в течение последних двух дней, а теперь у него еда с водой закончилась, и ничего хорошего впереди ждать не приходится. У Королева всегда были неплохие отношения с классным руководителем, вот он и решил попросить о помощи.

Все эти мысли промелькнули в голове Федора Петровича, прежде чем он завернул за угол. Дверь в старую столовую оказалась распахнута настежь. Доски, которыми она была заколочена, валялись на полу. Точно, мальчишка должен прятаться где-то внутри.

Федор Петрович вошел в столовую. Обширный, прохладный зал встретил его темнотой и пылью. И того и другого здесь было навалом.

Благодаря падающему из коридора свету ему удалось различить чьи-то следы в пыли на полу. Маленькие, детские.

Говорят, если ребенок умирает в школе, то не попадает на тот свет, а остается где-то здесь, потому что не может самостоятельно выйти из здания. Для мертвых тут гораздо больше коридоров и помещений. Вот они и плутают.

По спине пробежал холодок. Замерев на месте, Федор Петрович крикнул в темноту:

– Эй! Король, ты тут? Вадик!

В ответ – ни звука.

– Это я, Федор Петрович! Слышишь меня?

Снова тишина. Вдруг – легкий шорох. Но не спереди, а сзади. Он обернулся.

В дверном проеме кто-то стоял. Невысокий, шуплый. В первые мгновения Федор Петрович было решил, что это Вадик, но потом ужас узнавания сжал его горло тяжелыми железными пальцами, и он еле слышно заскулил, как смертельно раненная собака. Перед ним стоял Павел Иванович, учитель черчения из ПТУ, где он давным-давно пытался преподавать. Тот самый Павел Иванович, который много лет назад сбежал из психушки и бесследно исчез, тот

самый Павел Иванович, которого как огня боялись все без исключения студенты и которого он сам, тогда еще почти пацан, молодой специалист, боялся до рези в животе. Ничуть не изменившийся, не постаревший, даже не поседевший.

– Ну, – тихим, еле слышным голосом, полным холодной черной ненавистью, проговорил он. – Зачем так орать? Занятия идут.

Федор Петрович хотел возразить, что ничего подобного, мол, занятия давно уже закончены, что ему самому пора уже домой, но язык отказывался слушаться его. А потому изо рта вырвалось только какое-то невнятное мычание.

– Нечего сказать, – ядовито бросил Павел Иванович и шагнул внутрь. В этот самый момент до Федора Петровича наконец дошло, что такого просто не может быть. Происходящее никак не походило на реальность. Даже на сон. Это было нечто третье, новое, неизведанное.

Павел Иванович подошел вплотную, пристально уставился на него.

– Я дождусь ответа? – спросил он и криво усмехнулся. – Или ты язык проглотил?

– Нет, – сдавленно прохрипел Федор Петрович.

– Нет? А что молчишь?

– Не знаю, что сказать.

– Это твоя вечная проблема, не так ли?

– Да, наверно.

За его спиной во мраке что-то очень большое двигалось, будто бы разворачиваясь, заполняя собой всю столовую, весь этаж, всю школу. Что-то катастрофически огромное, издающее непрерывный плавный шорох и резкое, едва слышное шипение. Оно было рядом, совсем близко, от его движений воздух шевелился и наполнялся терпкой, приторной вонью.

В любом случае Федор Петрович не собирался поворачиваться и рассматривать это. Он собирался сделать несколько шагов к выходу из столовой, оказаться в коридоре, под рациональным, привычным люминесцентным светом, собирался со всех ног побежать прочь. Но стоило ему только дернуться в том направлении, как Павел Иванович вцепился ему в плечо и проскрипел прямо в ухо:

– Я сказал, не шуметь!

На таком расстоянии даже в темноте было видно, что у Павла Ивановича зубы редкие и острые, а в глазах нет зрачков, одни мутные, в темных прожилках, бельма.

Слабо вскрикнув, Федор Петрович рванулся к выходу, но тонкие пальцы держали крепко.

– Куда? – заверещал фальшивый Павел Иванович. – Я еще не закончил!

Трудовик развернулся и с размаху ударил кулаком в это липкое ледяное лицо. Тут свет в коридоре погас, а в следующий миг холодные пальцы коснулись затылка и лба, прошли сквозь кожу, кость, оказались внутри головы – и в те доли секунды, что ему оставались, Федор Петрович увидел многое. Он понял, кем действительно был стоявший перед ним, понял, как тот связан с пропавшими детьми, с обитателями изнанки, познал темные тропы, которыми сообщаются между собой миры, смог даже узреть то, чему еще только предстояло свершиться. А потом черные воды сомкнулись над ним, и все закончилось.

В комнате горел только ночник. Лицедей сидел на диване, тяжело откинувшись на подушки, и сейчас ему вполне можно было дать все семьдесят: обвисшая кожа, глубокие неровные морщины, жесткая седая щетина. Он внимательно смотрел на вошедших помощников, но не говорил ни слова. Тишина пропитывала воздух. Монотонно жужжал на кухне холодильник, и билась в окно скрюченная черная ветка.

– В общем, – откашлявшись, начал Серп, – пропал еще один ребенок. Тоже мальчик.

– Правда, он оставил своим родителям записку, – добавил Молот. – Ясно, что убежал сам. Возможно, тут не о чем...

– Пацан у него, – сказал Лицедей. – Записка запиской, но слишком уж серьезное совпадение. Фазы луны. Он привязывает убийства к фазам луны, так?

Помощники молчали. Этот факт, насчет луны, шеф выяснил еще в те времена, когда они ходили под стол пешком и даже не мечтали ловить сумасшедших колдунов.

– Ближайшая подходящая дата – завтра, – сказал Лицедей. – Только завтра ночью он попытается убить мальчишку, не раньше.

– Как насчет подкрепления? – спросил Серп. – Не помешало бы.

– Уже, – сказал Лицедей. – Я позвонил Полнолунному еще утром. Он сказал, что у них не хватает людей. Отбрехался. Не поверил мне.

– Рассчитывать не на кого?

– А когда было иначе?

– Что будем делать?

– Поедем в школу.

– В школу?

– Да. Навестим Танюху.

– Занятий сегодня нет, – сказал Молот. – Воскресенье, последний теплый день в году.

Она, наверное, дома или на природе.

– Нет. Она там. В школе.

– Видение? – спросил Серп.

– Предчувствие.

– А каковы шансы на успех?

– Шансы? Я ж говорю, предчувствие. Речь вообще не идет о шансах.

– Понятно. Тогда нет особого смысла ждать.

– Верно.

Лицедей поднялся с дивана, снял со спинки стула свой плащ, внимательно осмотрел комнату, потер подбородок.

– Знаете что, ребятки, – сказал он помощникам через минуту, – забирайте-ка вы все наши вещи. Пожалуй, мы больше сюда не вернемся.

Уже спускаясь по лестнице, Молот тронул идущего впереди Лицедея за плечо.

– Послушай, шеф...

– А?

– Все-таки, что там было со старухой в лесу? Ты до сих пор не рассказал.

– Разве?

– Да, – подхватил Серп. – Что ты видел?

– Это имеет какое-то значение?

– Наверное. Видения ведь просто так не случаются.

– Хрен их знает, честно говоря. Может, и случаются. Может, вообще все просто так случается. Иногда тяжело ухватить логику, а это как раз такой вариант. Она показала на меня,

потом на куст репейника между нами, потом на ближайшее дерево и сказала: «Именно здесь». Тут меня снова вывернуло, а когда я поднял голову, ее уже не было.

– «Именно здесь»?

– Именно «именно здесь».

– И все?

– А чего тебе не хватает? Развершейся земли? Огненной руки, выводящей на стене три слова? Громогласных труб и ангельских хоров? Это вчерашний день. Люди мельчают, а знамения и демоны мельчают вместе с ними.

– Хорошо, если ты прав насчет демонов. Но что значит «именно здесь»?

– Понятия не имею.

Они вышли из подъезда в густеющую сентябрьскую темноту. Прежде чем сесть в машину, Лицедей шепотом выругался. На душе скребли кошки. Именно здесь. Именно. Здесь.

21

В автобусе было пусто. Лишь на заднем сиденье дремала бабушка в окружении многочисленных корзинок. Приятное разнообразие после почти ежедневной утренней давки. Таня вольготно расположилась у окна, включила плеер. Под тягучие, мягкие аккорды автобус тронулся, мимо поплыли тротуары, фонарные столбы и голые черные деревья. За ними медленно тянулись пятиэтажки, магазины, проулки.

В это воскресенье ей предстояло дежурить в школе с четырех до десяти вечера, когда приходил охранник. За это полагались кое-какие денежные бонусы, а потому Таня, не обремененная семьей, всегда с радостью соглашалась на подобные предложения.

Она думала о предстоящем завтра педсовете. Праздник бессмысленных разговоров. Карнавал самозащиты. На педсоветах действовало одно-единственное правило – «пусть сегодня выговор получу не я, а кто-нибудь другой», и каждый присутствующий из кожи вон лез, чтобы это правило соблюдать.

Директриса, чьи щеки на педсоветах всегда краснели сильнее обычного, начнет тоскливым голосом перечислять недостатки и промахи, имевшие место за первую половину четверти. Недостатки и промахи всегда касаются только одного – успеваемости учеников. Вины в этой неуспеваемости всегда, разумеется, только учителя. Ну а кого еще можно обвинить в том, что какой-нибудь восьмиклассник Петров, за два месяца побывавший всего на трех уроках математики, получил по этому предмету тройку, а не четверку, в результате чего показатели всего класса снизились, что крайне негативно сказалось на всей школьной отчетности.

Таня вышла из автобуса, зашагала к школе, агрессивно прыгая через коричневые лужи. Через пару минут, поднявшись на школьное крыльцо, она уже стучала в запертую металлическую дверь. Вскоре заскрежетал ключ в замке, и Альбина Сергеевна, дежурившая с шести утра, впустила ее.

– Как тут дела? – осведомилась Таня для проформы, поднимаясь вслед за ней в учительскую.

– Да как, – Альбина Сергеевна пожала плечами. – Спокойно все. Около двух звонила завуч, контролировала, на месте ли я.

– Ага.

Несмотря на то что формально в обязанности дежурного входили регулярные обходы всех помещений, в реальности обязанность была всего одна – сидеть у телефона, дабы иметь возможность отвечать на внезапные звонки начальства.

В учительской Альбина Сергеевна накинула пальто, взяла сумочку и, показав на стоящий на столе электрический чайник, сказала:

– Только что вскипятила. В шкафу лежит печенье, его вчера Марина Петровна оставила. Вкусное. Минут через десять позвони директору, поставь в известность, что сменила меня.

Они спустились обратно, Альбина Сергеевна попрощалась и вышла, а Таня заперла за ней дверь. Теперь она осталась в школе одна.

Заступив на пост, Таня в полном соответствии с инструкцией обошла все здание. Двери классов были, как положено, распахнуты настежь, окна плотно закрыты, жалюзи (там, где они имелись) опущены. Нигде не горел свет, не текла вода, серьезных причин для беспокойства не наблюдалось. Таня со спокойной совестью вернулась в учительскую, позвонила директрисе, заверила ее, что все под контролем, переделалась в шорты и майку и, устроившись поудобнее в одном из кресел, углубилась в чтение.

Однако роман, купленный пару дней назад специально для этого дежурства, вскоре наскучил: описанное в нем было мертво и банально, как вареная колбаса. Самая обычная космическая опера. Звездные флотилии поливают друг друга огнем из бортовых бластеров, меж-

галактические тираны взмахом руки отправляют в бой миллионы чудовищных солдат, а храбрые герои спасают прекрасных принцесс на диких планетах, где кишат рогатые монстры с множеством конечностей. Ничего нового.

Помучив себя около часа, Таня отложила книгу и, обыскав столы, нашла пару чистых листов бумаги. Некоторое время она смотрела в окно, покусывая ластик на конце карандаша, а потом быстро написала на одном из листов слово «Резюме». Несколько минут изучала его, затем зачеркнула.

Нет уж, никаких резюме сегодня. И завтра. По крайней мере до конца этой недели, до конца четверти, она ничего не будет предпринимать. Есть отличная возможность провести несколько дней в относительном покое, не забивая голову мыслями о настоящей или потенциальной работе. А как только начнутся занятия, она обновит свое старое резюме дизайнера-фрилансера и вывесит его на всех сайтах, до которых сможет дотянуться.

Таня с усмешкой взглянула на обложку романа, лежащего на соседнем кресле. Вот уж где никакого оригинального художественного решения – небритый мужик в громоздком скафандре левой рукой прижимал к себе полуголую девицу, а в правой держал оружие, похожее на помесь гранатомета с соковыжималкой.

Таня накрыла книгу бумагой, встала, взяла первую попавшуюся чашку, бросила в нее чайный пакетик и налила уже давно остывшей воды из чайника. Окна учительской выходили не на гаражи или остановку, а на жилую улицу. Короткий осенний день стремительно клонился к вечеру, а потому мир снаружи казался несерьезным и немного нереальным. Начавшая уже умирать осень была видна во всем, в каждой черной от сырости доске, в каждом штрихе пожухлой травы, в каждом мазке серого неба. Даже грязно-белый кот, кравшийся по заасфальтированной тропинке между домами, крался как-то по-осеннему, словно стараясь не попасться на глаза притаившейся неподалеку зиме. В небе медленно скользил клин из черных точек. Им там, наверху, наверное, совсем холодно.

Она не могла заставить себя рисовать, не имела возможности выбраться в Интернет (модем из учительской предусмотрительно унесли), а книга навевала лишь смешанную с тошнотой скуку. Но ведь всего в трех минутах ходьбы находилась библиотека, ключ от которой висел на специальной доске рядом с расписанием. В библиотеке она бывала всего несколько раз, но успела убедиться, что выбор художественной литературы там не так уж и плох. Может, подберет себе чтиво из школьной программы.

Стоило выйти из учительской, как что-то зашуршало под ногой. Таня опустила взгляд. На полу лежал сложенный пополам листок бумаги в мелкую клетку. Странно, что раньше не попался на глаза. Она нагнулась и подняла бумажку, осторожно развернула. Большие, тщательно выписанные фломастером печатные буквы.

«ВЫВЕРНУТЬ НАИЗНАНКУ ВЫВЕРНУТЬ НАИЗНАНКУ ВЫВЕРНУТЬ»

Таня вздрогнула. Интересно, это вообще что-то значит?

Она обернулась автоматически, собираясь выбросить листок в урну, и остолбенела.

В кресле, в том самом, в котором она размышляла о резюме, сидел Федор Петрович, учитель труда, одетый в свой обычный старый темно-синий костюм, и выглядевший очень усталым, даже больным.

– Привет, Танюш.

– Добрый вечер, – сказала Таня удивленно. – Вы-то откуда здесь?

– Я давно уже здесь, со вчерашнего дня. Не удивляйся, теперь мы оба у них в плену.

– У них? В плену? О чем вы?

– Мир – чертовски сложная штука, огромная головоломка, – сказал Федор Петрович, задумчиво глядя на Таню. – То, что принято называть смертью, на самом деле – лишь иной способ существования. Представь себе систему координат: две оси, перпендикулярные друг другу, каждая ось делится на две половины – плюс и минус. Между ними кардинальное разли-

чие, но тем не менее объект, который из зоны «плюс» попадает в зону «минус», не перестает быть, у него просто меняется знак. То же самое происходит и с жизнью. Мы все двигаемся по оси координат, рано или поздно проходим через точку «ноль» и оказываемся на другой стороне. Мы продолжаем существовать, только иначе: на том свете, в параллельной вселенной или просто в чьем-то сознании, не важно.

– Это очень интересно, – раздраженно бросила Таня, садясь за стол. – Но к чему вдруг? Вы все-таки расскажите, как сюда попали.

– Как раз к этому подбираюсь, – Федор Петрович почесал нос. – На чем бишь я... ага... так вот, ты, надеюсь, прекрасно понимаешь, что система координат – всего лишь схема, макет. На самом деле все гораздо сложнее и масштабнее. Иногда возникают проблемы, происходят, так сказать, катаклизмы. Одна сторона вторгается на территорию другой, провоцируя то, что и происходит сейчас здесь. Я не знаю, потустороннее прорвалось в нашу школу, или это территория школы провалилась туда, но думаю, что в таких местах, где много детей, граница всегда тоньше. Ребенок – он ведь...

– Понятно, – кивнула Таня. – Не возражаете, если я позвоню директору, скажу, что вы здесь?

– Попробуй, – Федор Петрович пожал плечами. – Хорошо, если дозвонишься. Значит, мы оба спасены.

Таня подняла трубку и набрала номер, написанный на бумажке рядом с телефоном. После нескольких длинных гудков трубку взяли, и женский голос сказал:

– Да?

– Ирина Николаевна, это Татьяна.

– О, здравствуйте! Как у вас там дела?

– Да вроде бы нормально. Тут у меня Федор Петрович.

– Ах... нашелся, значит?

– Да. Я просто...

– Передайте ему, пожалуйста, что я сделаю из его старых костей люстру.

– Ирина Николаевна?

– У тебя, милая девочка, мы съедим пальцы, которыми ты так хорошо рисуешь. А потом вывернем тебя наизнанку. Вывернем тебя наизнанку!

Таня ошеломленно бросила трубку.

– Ну как? – Федор Петрович смотрел на нее с грустной усмешкой. – Дозвонилась?

– На хрен! – Таня вскочила, схватила куртку с вешалки. – Я валю отсюда!

– Постой! – Федор Петрович встал и пошел за ней. – Это пустая трата сил. Думаешь, если бы нашел возможность выбраться, я бы торчал здесь столько времени?

Не оборачиваясь, Таня спустилась на первый этаж. Выхода не было. То есть закуток техничек остался на месте, столовая тоже, даже раздевалка. А вот вместо входной двери теперь радовала глаз обычная стена. Ровная, покрытая выцветшей зеленой краской, – ни единого следа проема.

Таня застыла в растерянности, снова и снова обводя взглядом вестибюль.

– Что за херня! – сказала она наконец. – Такого просто не может быть!

Она осторожно подошла к стене, принялась ощупывать ее, ударила кулаком. Никаких намеков на пустоту внутри. Внизу, в нескольких сантиметрах от пыльного плинтуса, на краске виднелись полустертые черные полосы, явно оставленные детскими подошвами.

– Вот черт, а! – сказала Таня, нахмурилась, быстрым шагом направилась в столовую. За окнами, выходящими на школьный двор, было темно. Слишком уж темно даже для сентябрьского вечера. Ни одного отблеска, ни одного светлого пятна. Она остановилась у окна, попыталась открыть задвижку форточки, но та не подавалась ни на миллиметр, вообще не шевелилась, будто составляла с рамой одно целое. Соседняя тоже. Таня пошла вдоль линии окон,

дергая все задвижки подряд. Дойдя до последней, она обернулась к стоящему в дверях Федору Петровичу:

– Это ведь все бутафория, правда?

– Откуда я знаю. Говорю же, мы сейчас на той стороне.

– А если вот так? – Таня схватила ближайший стул и с размаху ударила им по окну. Безрезультатно. На стекле не осталось ни царапины, оно даже не содрогнулось. Таня ударила снова, потом еще раз, потом еще.

– Не думаю, что это поможет.

– Хорошо, – Таня отбросила стул в сторону и прислонилась к стене, тяжело дыша. – Хорошо. Я признаю, тут творится какая-то запредельная фигня. Что нам теперь делать?

Федор Петрович внимательно посмотрел на нее:

– Думаю, кроме нас, здесь есть еще кое-кто живой. Мальчик по имени Леша Симагин.

Ну, ты помнишь его.

– Это который пропал?

– Да. Мне кажется, он прячется где-то на верхних этажах. Нужно найти его, а потом втроем попытаться выбраться.

– Как именно?

– Посмотрим. Должен ведь быть какой-то способ.

– Хотелось бы верить. Ладно, пойдемте искать парня.

Они вышли на лестницу и начали подниматься. Пролет, еще пролет, еще. Ни следа второго этажа.

– Здание изменяется, – пробормотал, отдуваясь, Федор Петрович. – Здесь оно живет по своим законам.

– Я уже поняла. Как мы пойдем, где искать мальчишку?

– Никак. Доверься интуиции, здесь она имеет значение.

– Легко сказать.

После еще нескольких пролетов все-таки обнаружился выход на этаж. Таня не увидела ни одного знакомого кабинета. На ближайшей двери висела табличка с надписью «ОСНОВЫ РАЗЛОЖЕНИЯ». Они пошли по коридору, тревожно осматриваясь. С потолка свисали нити паутины, краска на стенах облупилась, обнажая серую штукатурку. За окнами висела непроглядная тьма, густая настолько, что при взгляде на нее начинали болеть глаза. Она спросила:

– С чего вы вообще решили, что Симагин здесь?

– Заметил его несколько раз.

– Я тоже заметила кое-что. Может, вам просто показалось?

– Ну, я же его классный руководитель. Уверен, это был он.

– Понятно.

Дальше они шли в молчании. Заглядывали в классы, осматривали попадавшиеся на пути закоулки и туалеты. За каждым новым поворотом, за каждым лестничным пролетом оказывались все новые и новые коридоры, пустые, заброшенные. Шаг за шагом, метр за метром – все тот же залатанный линолеум, все та же чернота за окнами. Время не имело здесь значения, оно просто терялось в тишине, в этом бессмысленном нагромождении лестниц, комнат, переходов. Определенно, потусторонняя школа оказалась в разы больше той, в которой Таня когда-то работала. Может, она вообще была бесконечна.

За очередным поворотом они увидели Симагина. Тот стоял на подоконнике, пытаясь открыть окно. Заметив их, он спрыгнул на пол и со всех ног рванул прочь.

– Стой! – воскликнул Федор Петрович. – Не бойся!

Мальчик даже не притормозил. Таня побежала следом. Она рассчитывала, что ее длинные ноги помогут быстро настичь Симагина, но не тут-то было. Лешка несся во всю прыть,

почти не замедляясь на поворотах, в то время как Тане постоянно приходилось сбавлять скорость, чтобы огибать углы.

– Погоди! Мы свои! Погоди! – кричала она, но мальчик не обращал на эти возгласы никакого внимания. Собственный голос причинял ушам Тани почти физическую боль – здесь любой громкий звук казался святотатством. В конце концов ей удалось догнать Лешку. Она схватила мальчишку за плечи, они оба потеряли равновесие и покатались по полу. Симагин орал во все горло – не от боли, от ужаса.

– Успокойся! – встряхнула его Таня. – Все хорошо!

– Нет! – взвизгнул Лешка, пытаясь вырваться. – Нет! Я видел.

Он снова вскрикнул, на этот раз глядя куда-то через плечо Тани. Та обернулась. Федор Петрович как раз вышел из-за угла. Он стал выше ростом, широко улыбался, и даже с такого расстояния было видно, что зубы у него чертовски острые.

– Я видел, как его убили! – прошептал Симагин.

Федор Петрович не спеша приближался. Небрежным жестом он вынул свои фальшивые глазные яблоки, отбросил их в сторону, и из тьмы пустых глазниц начали выползать крошечные белые черви. Кожа его поблекла, пошла морщинами и трещинами, волосы выпадали целыми прядями. Из рукавов костюма сыпалась мелкая светлая пыль, а вслед за ней вытянулись длинные бледные пальцы, каждый из которых в середине раздваивался.

– Надо же! – заявил бывший Федор Петрович, не прекращая улыбаться. – Правду говорят, что подобное тянется к подобному. Запусти двух мышей в лабиринт, и они обязательно встретятся. Без тебя, Танюша, мне вряд ли удалось бы найти этого пацаненка.

– Это само собой, – процедила Таня, тяжело дыша. Она успела взглянуть назад и знала, что коридора за их спинами больше не существует. Теперь там был тупик, покрытая плесенью гладкая стена, поперек которой тянулись огромные кривые буквы «НИКОГДА».

– Я давно жду! – прохрипело приближающееся чудовище. Оно тоже понимало, что бежать его жертвам некуда, а потому не торопилось. – Я – Грех! Меня распинали на кресте, как Боженьку вашего, меня живьем закапывали в землю, меня бросали в огонь. Я – Страдание! Меня скрывали от близких, меня заставляли умолкнуть пулей, выпущенной в висок, меня давили чужой болью.

Таня загородила собой Лешку, который вцепился в ее правую ладонь. Страх не было. В нескольких шагах от нее возвышалась уродливая мертвая тварь, собирающаяся сожрать ее внутренности, вывернуть все тело наизнанку, а она не боялась. Почти. Не до этого было. Надпись на стене всколыхнула что-то в памяти, что-то скрытое, глубоко закопанное, что-то, от чего зависели сейчас две жизни. И она знала: если вспомнит, то получит шанс спастись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.